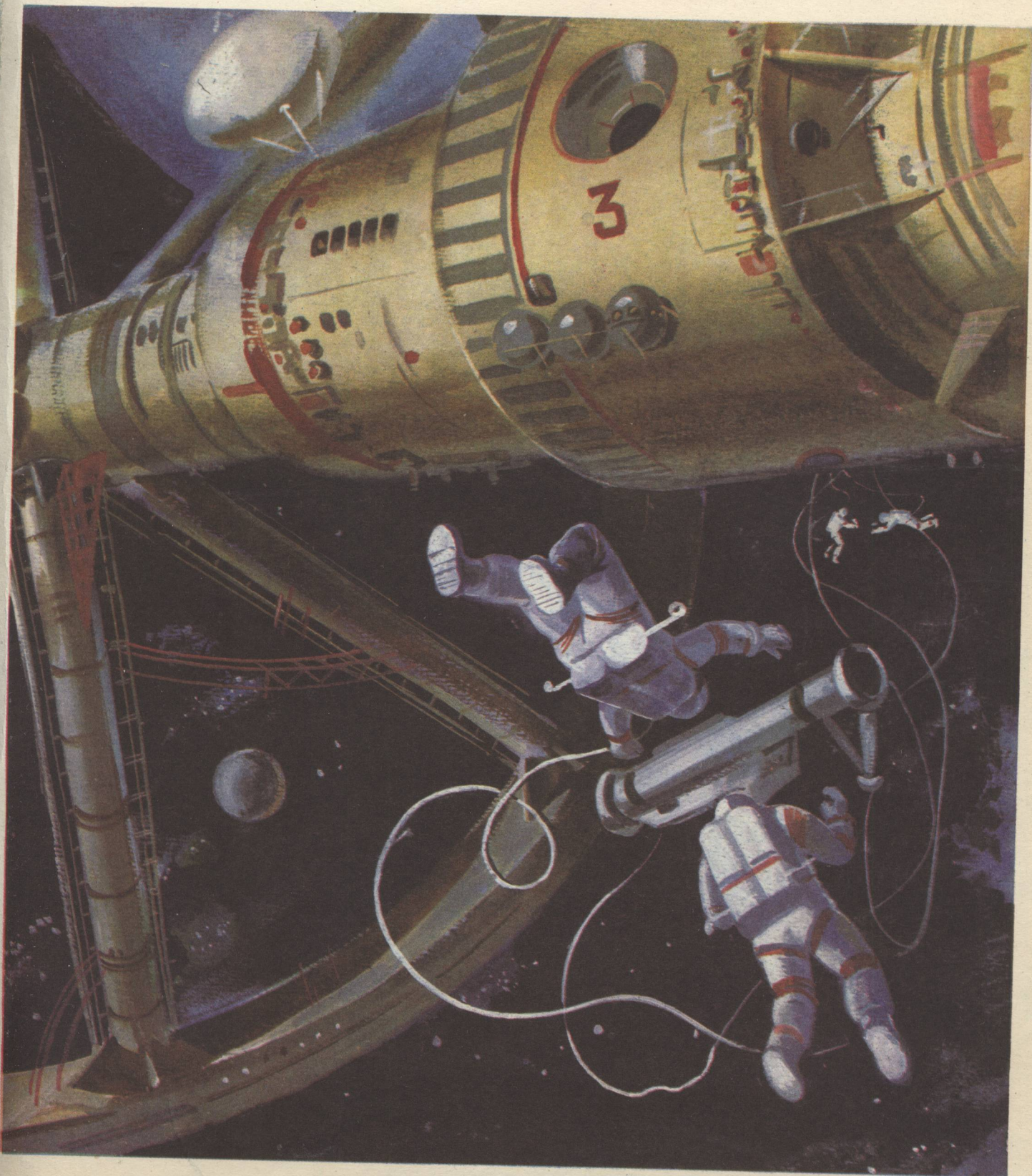

ДЕРЗАНИЕ МЫСЛИ,
ГОРЕНИЕ СЕРДЕЦ,
КАЖДЫЙ ШАГ МОЛОДЫХ
НА ЗЕМЛЕ И В КОСМОСЕ —
ТЕБЕ, КОМСОМОЛ!

КОСТЁР

4 АПРЕЛЬ 1978

25 апреля
в Москве
открывается
XVIII
съезд
ВЛКСМ

КОСТЁР

4
АПРЕЛЬ
1978

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1978 г.

НА ОБЛОЖКЕ
РИСУНОК Н. АНДРЕЕВА
«В КОСМОСЕ БУДУЩЕГО»

Парень на октябрьских баррикадах,
Крепко сжав в руке винтовки ствол,
Знал, что с ним оно шагает рядом,
Это слово: комсомол.

Став в бою под ленинское знамя,
Юность наших городов и сел
С честью выдержала свой экзамен
На создание
Слова: комсомол...

Александр ЖАРОВ

У каждого времени
свои маршруты,
у каждого времени
свои подвиги.

БРИГАДНОЕ ЗНАМЯ

У нашего времени есть БАМ,

Набережные Челны,

Нижневартовск,

Атоммаш.

Рабочее достоинство... Когда я слышу эти слова, то невольно вспоминаю БАМ, строительство Саяно-Шушенской ГЭС, Нечерноземье и десятки других ударных комсомольскихстроек. Но все эти великие дела складываются из крупинок, зависят от того, как ты, я, он, она берегут свое рабочее достоинство.

Товарищество, взаимопомощь, ответственность...

Серьезный разговор о нравственных качествах молодежи шел на XVI и на XVII съездах комсомола, делегатом которых мне довелось быть. К концу этой пятилетки три четверти рабочих мест займете вы, сидящие пока за школьными партами. И от того, насколько развито у вас чувство ответственности, рабочего достоинства, будет зависеть могущество и слава нашей страны.

Когда наш первый бригадир Герой Социалистического Труда, заслуженный наставник Степан Степанович Витченко покидал завод, он торжественно передал мне, новому бригадиру, знамя бригады. «Бригада коммунистического труда имени 50-летия ВЛКСМ» написано на его полотнище. Наш коллектив единственный в стране получил право иметь свое бригадное знамя.

За что же такая честь? Разве не бывает у нас срывов, нарушений? Бывают и срывы, и нарушения. Но ведь для того и была создана на «Электросиле» известная сегодня всей стране бригада, чтобы стала она коллективом — воспитателем новичков. За пятнадцать лет через нашу бригаду прошло более ста шестидесяти подростков. С нелегкими судьбами пришли они на «Электросилу»: одни выросли без отца и без матери, у других в семье нет мира между взрослыми и заботы о детях. Это были чрезвычайно «трудные» ребя-

та, но, пройдя бригадную школу, все они стали со временем передовиками, ударниками коммунистического труда, вступили в комсомол, а двадцать человек стали членами Коммунистической партии.

Когда к нам приходит новичок, ему поначалу приходится туго. Он оказывается в центре внимания, а к этому не все привыкли. У нас же такое правило: изучить человека, узнать его жизнь, особенности характера, запросы, слабости и недостатки, увлечения и симпатии. Первая встреча — на собрании, где новичка представляют бригаде. Мы рассказываем о наших традициях и о тех требованиях, которые считаем необходимыми для современного рабочего и настоящего человека: коммунистическое отношение к труду, чувство ответственности, коллективизм, сознательная дисциплина, широкий научно-технический кругозор, творческая инициатива.

Слишком высокие требования?

Зато мы стараемся раскрыть перед парнем такие горизонты, чтобы он ощутил пустоту полусонного состояния, чтобы он почувствовал, как захватывающе интересно участвовать в делах бригады, завода, страны.

Вот строчки из нашего рапорта съезду комсомола:

«В ходе соревнования бригада изготовила электроаппаратуру для атомного ледокола «Сибирь», обеспечила комплектацию контакторами 16 щитов для БАМа...»

А сделано все это руками подростков.

Дружба и доверие — норма для нашей бригады. Когда молодому человеку бригады вручается аттестат трудовой зрелости, он бывает особенно горд: ведь это значит, что он не только достиг профессионализма в работе, но и стал хорошим товарищем, человеком, на которого во всем можно положиться.

ВЛАДИМИР ЦЕЛУЕВ,
бригадир объединения «Электросила»,
член ЦК ВЛКСМ,
лауреат премии
Ленинского комсомола

КОМСОМОЛЬСКАЯ

28-го апреля 1974 прямо из Кремлевского Дворца съездов, с XVII съезда комсомола ушли в историю первые строители Байкало-Амурской магистрали. С Красным Знаменем ветеранов труда, с отбойным молотком Алексея Стаханова сели они в поезд, идущий на восток. Их было шестьсот — ударный комсомольский строительный Всесоюзный отряд имени XVII съезда комсомола: украинцы, русские, грузины, белорусы... — сорок национальностей.

На вагонах надписи «Даешь БАМ — магистраль века!». На окнах плакаты, рисунки и даже стихи.

Их встречали в каждом городе. Киров — Пермь — Тюмень — Омск. Были митинги, гремели оркестры, сияли прожектора.

ГОД 1974, июль

Невдалеке от озера Самотлор комсомольцы заложили город Нижневартовск. Он стал одним из лучших молодых городов Западной Сибири.

На БАМе вырос поселок Звездный. В нем все первое — первый рекорд, первые метры просеки, первый волейбольный мяч, первые дома и первая свадьба.

ГОД 1975, январь

БАМ. Комсомольско-молодежная бригада Владимира Барышева приняла в свой состав героя-фронтовика Ивана Молодцова. Наступление на тайгу продолжалось.

февраль

На БАМ едут специальные механизированные колонны: «Украина», «Таджикистан», «Волгоград», строительные отряды из Молдавии, Киргизии, Горьковской области, с Алтая и Белоруссии. Всего шестьдесят три новых отряда.

25 декабря

Машинист второго класса Игорь Неверов привел в Звездный первый поезд на западном участке БАМа. Пассажиры поезда — строители, победители социалистического соревнования.

Так начиналось строительство крупнейшего лесопромышленного комплекса в приангарской тайге

Бетонная плотина Усть-Илимской ГЭС протянулась через Ангару

Через таежную глухомань, реки и болота прибыл первый поезд из Сургута в Нижневартовск

ХРОНИКА

ГОД 1976, февраль

В Набережных Челнах с конвейера автогиганта Всесоюзной ударной комсомольской стройки сошел первый серийный автомобиль.

март

Объявлена Всесоюзная ударная комсомольская стройка — НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ.

Вместе со своим учителем Дмитрием Ивановичем Галущенко на Нечерноземье из Молдавии приехал целый класс вечерней школы. Ребятам доверили строить сельское профтехучилище.

апрель

Возводится самая северная в мире Колымская ГЭС. В глухой тайге вырос город с удивительным названием Синегорье. Комсомольское собрание Синегорья постановило взять под свой контроль качество работ на всех участках строительства.

май

Впервые в мире совершен 300-километровый лыжный переход по дрейфующим льдам. Полярная научно-спортивная экспедиция газеты «Комсомольская правда», состоящая из шести лыжников, достигла лагеря зимовщиков «СП-23».

июль

На карте комсомольскихстроек появилась новая стройка — АТОММАШ.

ГОД 1977, январь

Обнаружена новая звезда. У нас в стране первое сообщение в Астрономический институт имени Штернберга поступило из Белоруссии. Открытие сделал восьмиклассник Юрий Селенок.

март

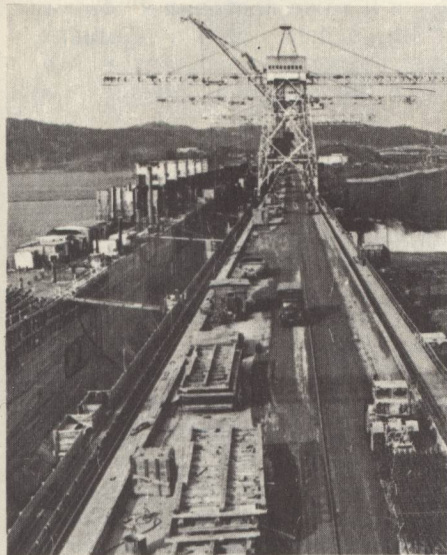
Две золотые медали и одну серебряную завоевала на олимпиаде в Инсбруке Раиса Сметанина из Сыктывкара. На речке Ижма, на откосе ручейка Ыджит Нюр стоит просторный бревенчатый дом Сметаниных. Дед ее был оленевод, и прадед оленевод, двадцать лет кочевали по тундре мать с отцом. Лыжи — основное средство передвижения оленевода. Путь Раи к медалям начался в тундре.

октябрь

БАМ. Агитпоезд «Комсомольская правда» остановился у вагона с надписью «Станция Беркакит». Долгим гудком приветствовал он строителей, беспокоил оленей, что стояли в упряжке вдоль насыпи. Что такое участок Тынды — Беркакит? Это 219 километров железной дороги через горы Станового хребта. Это поселки Могот, Лапри, Нагорная, Золотинка, Беркакит... Рельсы пришли в Беркакит на год и два месяца раньше срока. По железной дороге уже идут грузовые поезда. Строительство Байкало-Амурской магистрали продолжается.

Взгляни на карту. Красные флажки комсомольского шефства на всех меридианах и параллелях — БАМ, Набережные Челны, Нижневартовск, Атоммаш, Саяно-Шушенская ГЭС, Нечерноземье...

У каждого времени свои дороги, у каждого времени свои герои!

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ВОЙНЫ

ПОВЕСТЬ

Вадим ФРОЛОВ

Рисунки Ю. Шабанова

БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖИЗНЬ...

Через некоторое время ребята заметили, что люди у костра засуетились и все встали, вглядываясь в ту сторону, откуда шли Антон и Васька.

— Заметили, рыба, холера, — прошептал Карбас.

— погоди, — тихо сказал Арся, внимательно глядя вперед.

Но, видно, и Антон с Васькой увидели, что их обнаружили. Антон махнул рукой и упал за большой камень, выставив из-за него ствол ружья. То же сделал и Васька. Люди на том конце пляжа опять засуетились, двое присели, а потом один из них встал во весь рост и, подняв над головой палку с привязанным к ней куском материи, побежал, спотыкаясь, навстречу ребятам. Солнце в это время выглянуло из-за туч, и все ясно увидели, что к палке у того человека был привязан истрепанный звездно-полосатый флаг.

— Американцы, — заорал Арся. И все, вскочив, кинулись к костру...

Худой, заросший густой щетиной человек хлопал Антона по плечу и что-то орал, улыбаясь во весь рот.

А вокруг толпились все остальные — тоже грязные, оборванные, заросшие и худые. Они восторженно вопили, дружески обнимали ребят.

— Ху ар ю олл? Кто вы все? — спросил Димка.

— Уи ар америкен сименз, — сказал моряк, — энд ай'м навигейтер. Май шип «Алькао Рейнджер» воз санк джулай севен... — Увидев, что Димка замялся с переводом, он пояснил: — Джермен сабмарин... фью-юу, — руками он изобразил, как идет торпеда. — «Алькао» — бу-у-мм! — он всплеснул двумя руками, показав, как взлетел на воздух его корабль, а потом снял фуражку и опустил голову.

Все американцы тоже обнажили головы, сняли шапки и ребята.

— Он сказал, — объяснил Димка, — что все они американские моряки, и их судно было потоплено немецкой подлодкой еще седьмого июля...

— Седьмого июля! — сказал Саня. — А сегодня двадцатое.

— Бедолаги, — протянул Карбас, вздохнув. Жутковатый был вид у моряков. Потрескав-

шиеся губы, покрытые коростой лица, у двоих тряпками перевязаны руки — обморозились.

Они ужасно удивились, увидев среди ребят девочку. Один из них, самый пожилой, трясущимися руками вытащил из внутреннего кармана куртки завернутый в клеенку бумажник, развернул его и достал фотографию отличной девочки, чем-то похожей на Олю.

— Дотер, — сказал он и погладил Олю по голове.

Товарищи его сурово молчали, а Оля, быстро развязав свой мешок, достала из него две большие буханки хлеба, куски жареной рыбы, сваренные вкрутую яйца кайр и две большие фляжки с холодным, но крепким чаем. Моряки восторженно загалдели, потом один из них вскрыл ножом — видно, последнюю — квадратную банку тушенки и тоже поставил к общему столу, а другой, порывшись у себя в карманах, вынул небольшую плиточку шоколада в разноцветной обложке, и, улыбаясь, протянул ее Оле, сказав:

— Фор ю, мисс!

— Спасибо, — очень вежливо сказала Оля. — Да вы сами-то кушайте, люди добрые, кушайте на здоровье, не стесняйтесь.

Упрашивать не пришлось — и ребята и моряки налегли так, что очень быстро ничего не осталось. Потом, разлегшись на песке, благо тучи уже разогнало совсем и солнце стало даже слегка припекать, моряки с наслаждением задымили. Ребята тоже улеглись рядком, и началась неторопливая, но странная какая-то беседа. Кое-как выяснилось, что после взрыва их судна эти моряки, чудом уцелев — большинство погибло, — девять суток носились по волнам на жалком надувном плотике. Вначале их было десять. Потом одного смыло волной. Через три дня умерли двое — один от ран, другой от охлаждения: он три часа плавал в ледяной воде, пока его не подобрал этот плотик. А четвертый умер уже здесь на острове — в сторонке от лагеря был насыпан из песка и камней небольшой грустный холмик. Вот уже четвертый день они сидят в этой бухте, к которой прибило их плотик. Голодные, уставшие до предела, потрясенные всем пережитым, сидят и ждут избавления неизвестно откуда. Подняться по отвесным скалам, чтобы посмотреть, что там наверху, не было сил, идти вдоль берега — куда? Да и много ли пройдешь в таком состоянии. И они ждали чуда. В ясную погоду они два раза видели проходившие мимо бухты суда, но с кораблей их, конечно, не заметили. И вот... с ними у догорающего костра русские ребяташки...

Окончание. См. «Костер» №№ 1, 2, 3, 1978 г.

— Спроси, — обращаясь к Димке, проговорил Антон. — Идти они смогут?

Американцы быстро собрали свои немудреные пожитки, потом каждый отрезал от плотика по небольшому кусочку красной резины на память. Они подобрали из валявшегося плавника палки и, постояв минуту молча у могильного холмика, двинулись в путь.

Шли долго и трудно. Моряки то и дело присаживались отдохнуть, но никто из них даже не пикнул.

— Крепкие ребята, — уважительно сказал Антон.

— Да, — согласился Арся.

— Ага, — поддакнул Баланда.

Димка посмотрел на него, и Васька показался ему каким-то совсем другим: даже распущенные толстые губы были сейчас крепко сжаты, а размашистая походка стала тверже и уверенней.

В лагере Антон подошел к Людмиле Сергеевне и рассказал ей о том, что произошло. Она выслушала его, потом подошла к Гариссону — так звали старшего из моряков, и протянула ему руку. Затем она попросила Ивана срочно затопить баню. Американцев увели в избу Прилучных. Мальчишек Людмила Сергеевна погнала спать.

Следующий день был ярким, и солнце разгулялось вовсю на безоблачном синем небосклоне. Ветер стих, утихло и море. Американские моряки один за другим выходили из избы. Ночью двое ребят помогли им вымыться в бане, нашлось и кое-какое бельишко. Потом, поев и напившись крепкого чая, разомлевшие и счастливые, они улеглись и сразу заснули. И вот сейчас, старательно приведя в порядок и залатав кое-как одежду, побрившись, они выходят на солнышко. И радостно шурят. На руках у обмороженных свежие чистые бинты — это Людмила Сергеевна, смазав руки знаменитой мазью Вишневского, перевязала их.

Каждый из них, выходя, кланялся Людмиле Сергеевне. Последним вышел Гариссон. Он попросил разрешения и присел рядом с комиссаром.

— Э вери гуд дей, — сказал он, глядя в небо. — Карош ден!

— О, йес, — ответила Людмила Сергеевна. Она знала английский язык, поэтому разговор пошел свободно.

— Новая Земля, — задумчиво проговорил Гариссон, — бог мой, вот уж никогда не подумал бы, что меня занесет в такую даль. Двадцать лет плавал по южным морям. Карибское море, Гоголулу, Маршалловы острова, Канары, — он прищелкнул языком, — Италия, о, Италия! Вы были в Италии, мисс... — он вопросительно посмотрел на нее.

Людмила Сергеевна мучительно задумалась, как ей назвать себя, и неожиданно выпалила: «Мисс Люда».

— Мисс Люда, — продолжал Гариссон, — знаете, что больше всего поразило меня в ваших ребятах? Удивительное чувство коллективизма и какая-то дикая радость жизни. Это что-то поразительное. Ведь я же вижу, как им трудно, но с какой отвагой и достоинством они держатся! Вот, например, ваш комиссар, Энтони...

— Антон? Он мой помощник, а комиссар, если угодно, я.

— Вы? — изумился Гариссон. — Я думал — вы врач. Что же вас, такую молодую... очаровательную женщину заставило приехать сюда, ведь отсюда до полюса не более семисот миль, не так ли?

— А что заставило вас, мистер Гариссон, оказаться здесь же?

— Война, — коротко ответил Гариссон и, помолчав немного, добавил. — Ненависть к фашизму. Я видел его в Испании...

— Вы были в Испании?!

Гариссон коротко кивнул.

— Если я скажу, что вы были в Испании, своим ребятам, они начнут ходить за вами табуном. В свое время Испанией бредили все советские мальчишки. Они просто влюбятся в вас.

— Я сам уже влюбился в ваших мальчишек. И не только в мальчишек. Эта ваша отважная мисс Оля, это просто какое-то чудо.

— Да. Это чудо. Но у нас много таких чудес, мистер Гариссон.

Гариссон засмеялся.

— Мне говорили, что русские ужасные патриоты и любят похвастаться, но я не предполагал, — сказал он уже серьезно, — что вы так любите свою родину.

— А вы не любите свою родину?

— Люблю, — сказал Гариссон глухо и встал. — Мои парни спрашивают, не могут ли они быть вам полезными, пока мы будем здесь? Не хочется сидеть дармоедами.

— Я подумаю, мистер Гариссон, — сказала Людмила Сергеевна.

— Спасибо, то-у-вариш комиссар, — сказал он по-русски, и, подняв к голове сжатый кулак, как, наверное, поднимал когда-то в Испании, он отошел к своим.

Американцы пожили в лагере неделю. Те, кто мог, собирал с ребятами яйца, другие охотились, рыжий ирландец Патрик помогал Прилучному чинить сети. В редкие минуты отдыха подсаживались к ребятам, пытались подпевать и сами пели свои матросские песни.

И когда пришел небольшой военный тральщик, чтобы забрать их, всем стало грустно.

— Гуд бай, мисс Люда, — сказал Гариссон, — гуд бай, рьебиата. Передайте им, мисс Люда, что я... мы все никогда не забудем этого. Вы спасли нам нечто большее, чем жизнь, вы спасли нам веру в людей и победу. Спа-си-боу...

Он быстро вскочил в шлюпку и больше не оборачивался. Остальные последовали за ним и еще долго махали шапками, но ветер отнес слова в сторону, и глухо шумело море...

ЧП

Прилучный стоял перед Людмилой Сергеевной. Вид у него был хмурый и смущенный.

— Слышь, комиссар, ты на меня не сердчай, — проговорил он наконец и посмотрел в сторону, — не хотел я тебя расстраивать, да и молчать нельзя...

— Что случилось? — с тревогой спросила Людмила Сергеевна.

— Мы с Ваняткой на дальний промысел собираемся, а тут, понимаешь, такое дело...

— Да не тяните вы, Иван Иванович!

— Вообще-то ерунда, да и песцы-то эти так, барахло одно, некондиционные. Робятишкам ушанки справить хотел...

— Какие песцы? — ничего не понимая, спросила Людмила Сергеевна.

Прилучный явно мучился, переминался с ноги на ногу и что-то бормотал. Потом махнул рукой и сказал отчаянно:

— В баньке у меня те песцы лежали. Пять штук. Так вот нет их сейчас... Понимаешь?

Людмила Сергеевна подавленно молчала. «Вот оно, — думала она, — началось. А я-то, дура, на себя понадеялась: справлюсь...»

— Мы найдем, Иван Иванович, — с трудом выговорила она, — вы не беспокойтесь.

— Да я не о себе беспокоюсь. Пропали они пропадом, те песцы шелудивые. У меня за тебя, комиссар, душа болит. Тут и похуже дело есть...

— Что еще? — взволнованно спросила Людмила Сергеевна.

— Гагачий пух кто-то из гнезд выбирает. А это уж дело, считай, государственное. Пух этот — валюта, золото чистое...

— А может... может, другой кто? Со стороны?..

— Других тут нет. Ненцы ежели когда забегают, так они знают, что тут мы с Ванюшкой промышляем, а они чужого никогда не тронут... Уж ты сейчас-то промолчи, не тревожь робят, а дальше — присмотри. Да кому-нибудь из надежных парнишек своих скажи. Нельзя ведь так-то... А на меня не сердчай, — он снял шапку, поклонился ей в пояс и ушел вниз.

«Что делать, что делать? — лихорадочно думала она. — С Антоном, с Антоном, с Антоном поговорить. Только с ним...»

Она нашла Антона и пошла с ним в тундру.

— Дело есть, Антон, — сказала она и лицо ее сморщилось.

— Да, что с вами, Людмила Сергеевна? — удивился Антон.

— Ты понимаешь. Это я во всем виновата, — проговорила она и рассказала о разговоре с Прилучным. Антон помрачнел.

— Этих гадов или гада мы найдем, — сказал он, — только вы-то чем виноваты?

— Виновата, — сказала Людмила Сергеевна. — Я должна была раньше рассказать вам про Баландина и Петра Иванова. Вы ведь не знаете, как они к нам в экспедицию попали. Милиция настояла, чтобы при деле были. У Василия, ты сам знаешь, отец в тюрьме сидит, да и сам он... ну, ты же знаешь, чем занимался, а Иванов сбежал из детского дома, его там на воровстве поймали... Да и в Архангельске было... — она замолчала.

— Так. Так значит... — сказал Антон сквозь зубы, — ничего, разберемся, а вы себя не терзайте...

— Только...

Антон молча кивнул.

ДИМА СОКОЛОВ

Прошло несколько дней, и однажды на большом промысловом боте приплыл к нам Афанасий Григорьевич. Бот был старым, грязным и обшарпанным, но носил гордое и красивое имя «Альбатрос».

Первый вопрос, который со смехом и улыбками задали Громову, был конечно же: «А где Шняка?»

— На ботике, где ему быть. В каюте, собачий сын! — сказал Громов и скривился так, будто в один присест сжевал целый стакан клюквы.

— И ведь что удумал, а? — продолжал Афанасий Григорьевич. — Я в избе, он в избе. Я на улицу — и он на улицу. Я его запру да

дверь прикрою. А он орет как зарезанный, и собаки со всего становища на его вой к избе сбегаются и тоже орать и выть начинают. А их там штук сто, наверно, а то и поболее, и все орут! Народ совсем освирипел от ору-то этого. Так целый день куда ни пойду, эта камбала косоротая у меня на шее сидит...

Хохот стоял такой, что из избы на крыльцо выскочили Марья, Ольга и все младшие Прилучные.

— Вам смешно, а мне какво? — сказал Громов. — Слушай, Иван Иванович, — прямо взмолился он, — возьми ты это вражье семя к себе. Засунь его в сараюшку, пока я уеду...

— В сараюшке тоже собаки, — закричал я.

— Ну, не иначе топить в море придется, — сказал Громов.

— Ничо, Григорыч, — посмеиваясь, сказал Прилучный, — езжай спокойно, у меня собачки умные. Я им накажу — они и не тронут.

— А что? — воодушевился Громов. — Пожалуй, дельно придумал. — Он крикнул со скалы матросу, который сидел на палубе ботика, и тот вскоре приволок наверх Шняка. Пес покорно висел у него на руках — видно, привык уже, что его все время таскают.

Матрос опустил Шняка на землю, и тот радостно запрыгал вокруг нас.

— Ванятка, — сказал Прилучный, — ну-ко, выпусти собачек.

Ваня пошел к сараюшке и спокойно открыл дверь.

Мне стало страшновато за Шняка: собак Прилучного мы все видели. Это были, как говорил Славка, «те еще болонки» — с могучей грудью, с широкими спинами, треугольные уши торчали, а хвосты закручены пушистыми баранками. Острые, почти как у волка, морды, а под крутыми лбами посверкивают умные и веселые глаза. Черно-белые, бело-рыжие, почти совсем черные с белыми подпалинами, а один серебристо-серый с огромным белым воротником на груди. Самый красивый и самый крупный. По всему видно — вожак: все собаки с радостным лаем выскочили из сарая как ошалелые, а этот вышел последним и молча. Он остановился и понюхал воздух, а потом слегка рыкнул. И все собаки замолчали и начали припихиваться, а потом, словно сговорившись, молча бросились к Шняке.

Тот заверещал дурным голосом и кинулся к Громову.

— Сидеть! — прикрикнул Иван Иванович, и собаки, затормозив на всем ходу, сели, тихонько ворча, серый остался стоять.

— Вот это дисциплинка, — восторженно сказал Славка.

А Шняка, визжа, царапал брюки Громову, прорисал на руки.

— Ну, что ты с ним делать будешь! — в сердцах сказал капитан.

К нему подошел Прилучный.

— Давай-ка его сюда, Афанасий Григорьевич, — и он взял Шняка, — знакомиться будем. Серый! Ко мне!

Пес приподнял верхнюю губу и тихо, но грозно зарычал. Зарычали и все остальные.

— Сожрут! — неожиданно заорал я, когда Прилучный опустил Шняку на землю и придержал за холку.

— Ну, ну, — сказал Прилучный спокойно и строго, — ишь, храбрецы какие — против одной шавки все свое оружие выставили. А ну сидеть, робята!

И «робята» сели, как приклеенные. Опять только Серый остался стоять.

Иван Иванович опять подозвал его к себе, и Серый неторопливо подошел. Шняка от ужаса замолчал и даже глаза закрыл, бедняга. Прилучный приподнял его за шиворот и ткнул мордой в нос Серого. Шняка понюхал, дрожа от страха. Обнюхал его и Серый — он уже не рычал.

— Ну, вот и лады, — сказал Прилучный и отпустил Шняку.

Собаки еще раз обнюхались, и вдруг Шняка лизнул Серого в нос. Мы ахнули, а псы побежали рядышком вдоль берега.

Вот так и остался у нас несуразный Шняка, и как ни странно, прилепился к... Ваське Баландину, даже спал с ним.

Когда собаки убежали, Громов снял фуражку, вытер вспотевший лоб и сказал с чувством:

— Ну, Иваныч, заставил ты меня поволноваться! А теперь о деле. Я ведь к вам не просто посмотреть приехал. Во-первых, добычу вашу заберу: в Кармакулы тральщик пришел, а с ним хорошо вооруженный ледорез «Литке». И второе — тральщик этот вам несколько писем принес. — И он достал из кармана тужурки около десятка помятых конвертов.

Все сгрудились вокруг Громова, и, наверно, не у одного меня заколотилось сердце. Только Васька и Шкерт не подошли к начальнику, а как сидели на камне, так и остались сидеть, и лица у них были хмурыми, да и Колька Карбас отошел в сторонку печальный. Мне стало жалко всех троих, но тут Громов назвал мое имя.

Письмо было не от мамы. Я отошел в сторону, не решаясь его вскрыть.

Громов продолжал раздавать письма. Вдруг он выкликнул Ваську Баландина. Я видел, как Васька вздрогнул. Своей обычной разлапистой походочкой он подошел к Громову, небрежно взял письмо, тут же раскрыл его и начал читать, шевеля губами. Какое-то странное выражение появилось у него на лице, что-то вроде растерянной улыбки. Он спрятал письмо в карман брюк и пошел к обрыву, сел там на камешек и, подперев голову руками, задумался. Первый раз я видел, чтобы Васька Баландин сидел так!

Но вот я распечатал свой треугольничек. Письмо было от Марфы Васильевны. В общем, письмо как письмо: мама здорова, поступила на работу, дом стоит и цветы распустились вовсю. Но одна фраза сильно меня озадачила. О том, чтобы я постарался перебороть свое горе. Какое еще горе я должен перебороть,

неужели с мамой что-то случилось? Почему она не написала сама? — думал я.

— Давай пройдемся, Дима, — вдруг услышал я за спиной голос Людмилы Сергеевны. И это сразу насторожило меня.

Но она стала расспрашивать меня о том, как мы жили в Ленинграде до войны; много ли у нашей семьи родных и друзей, знаю ли я их адреса, живы ли они. «Плохое начало, — подумал я, — очень плохое». И машинально стал отвечать ей. Отвечая, я не заметил, как мы спустились на валуны. И тут она вдруг сказала мне о том, что мой отец погиб.

Отец... оказывается, он много раз писал рапорта, чтобы его отпустили на фронт, но его не отпускали, а один раз даже получил выговор за эти рапорта — так он был нужен в тылу. И вот послали его на сторожевике в Мурманск — я даже не знал об этом — налаживать ремонт разбитых судов. А почти на самом подходе к Кольскому заливу на них налетели фашистские самолеты. Когда убили одного из артиллеристов, отец встал на его место и сам вел огонь из зенитки. И подбил один самолет и тут же упал сам... Прямо в сердце...

А я еще злился на него, что он не пришел меня проводить. Его уже не было, а я злился на него... Называл «сухарем». А он настоящий большой и храбрый человек, который просто не любил раскрывать свои чувства... И всегда делал свое дело. Он сильный человек — мой отец... Был... был — сильным человеком... Проклятое слово «был»!

— Идем, Дима, — сказала Людмила Сергеевна, — от моря холодом тянет.

А я не чувствовал — холодно или нет, я вообще ничего не чувствовал. Как в Ленинграде...

— Почему мне сразу не сказали? — жестко спросил я Людмилу Сергеевну.

— Не могла... Прости меня, Дима, — сказала она.

Укладываясь на нары, я думал, что не засну, но голова была словно чугуном налита, и я почти сразу провалился в какое-то черное глубокое ущелье. Помню только, я подумал: «К чертям эти кайрины яйца, пропади они пропадом, самолеты надо сбивать...»

БАЛАНДИН

...Проснулись ребята от дикого крика. Кричал Арся. Он стоял у выхода из палатки и тряс шкурой драного вылинявшего песца.

— Какая сволочь подсунула?! — орал Арся. — Узнаю — убью!

— Подожди, Арся, — успокаивал его Антон, — разберемся...

— Думаете, наверное, что я вор?! — продолжал кричать тот.

— Никто на тебя не думает, — крикнул Саня Пустошный.

— В твоём мешке, ты и есть! — вдруг сказал Шкерт.

— Ах, ты... — закричал Арся и бросился к Шкерту.

Антон и Саня силой удержали его.

— Пусти, Тошка, — бешено орал Арся, — не трону я его, только в глаза посмотрю.

Его отпустили, и он почти вплотную подошел к Шкерту и заглянул ему в глаза. Шкерт стоял спокойно, засунув руки в карманы, и взгляд у него был спокойный. Арся глядел на него долго, и Шкерт не отводил глаз.

— Не он, — сказал наконец Арся, — уж только самая отпетая сволочь так смотреть сможет, — и он повернулся к Баланде. — Значит, ты?!

Тот сидел на койке, положив руки на колени и как-то неестественно выпрямившись. Глаза у него тревожно бегали по сторонам, а губы тряслись. Все молча смотрели на него, и тут вперед выступил Витька Морошкин.

— Он, Баланда! — вдруг завопил Витька, — я сам видел, как он в баню к Прилучному лазил!

Шкерт бросился к Витьке и молча со всей силы ударил его по носу. У Витьки пошла кровь.

— Отомстить хотел, сволочь? — прошептал Арся, приближаясь к Баланде, его колотила мелкая дрожь.

Баланда молчал, и тогда к нему подбежал Славка. Он схватил Ваську за грудь, рывком поднял его и стал наотмашь бить по толстым щекам.

— Шкура! Как ты мог?! — кричал он. — Да тебя под трибунал за мародерство надо! Это ж, это ж... Тюремная морда!

Баланда даже не защищался.

— Перестань, Славка, — резко сказал Антон, — говорю, разобраться надо!

И тут заорал Колька Карбас:

— Чего тут разбираться, у него же на морде все написано!

— И молчит, — сказал Саня, — другой бы оправдывался, а он молчит.

Антон отшвырнул Славку от Баланды и тихо спросил у него:

— Ты? — потом повернулся к Шкерту. — А может, ты? В баньке пять песцов было, а сейчас ни одного.

— Ищите, — презрительно сказал Шкерт. А Баланда молчал.

— Да он, кто еще! — завопил Колька и ударил Ваську в живот.

Васька скрючился, и тут все озверели. Даже Димка. Будто какая-то яростная волна подбросила его с койки. Антона и пытавшегося ему помочь Шкерта вытолкнули из палатки, и Баланду били до тех пор, пока в палатку не вбежали Людмила Сергеевна, Громов и Антон.

— Кто начал избиение? — сухо спросила Людмила Сергеевна, когда ребята немного пришли в себя.

— Я, — с вызовом сказал Арся.

— Пошто ты? — сказал Карбас. — Я.

— Все! — сказал Димка.

— Все! — подтвердили ребята.

Молчал только Витька, Шкерта в палатке не было.

— Разбираться будем в Архангельске, — резко сказала Людмила Сергеевна, — а пока... пока я снимаю тебя с бригадирства, Корабельников.

— Его-то за что? — спросил Саня.

— За то! — тем же тоном ответила Людмила Сергеевна. — Всем завтракать и на работу. Баландин с Борей Малыгиным пойдут на кухню. Бригадиром будет Саня. Ты бил?

— Один раз ударил, — сказал Саня смущенно, — сорвалось.

— «Сорвалось»! Не думала я, что вы можете стать похожими на... фашистов. Кто не бил?

— Я, — тихо сказал Морошкин.

— Бригадиром будет Морошкин. — И она вышла из палатки, сказав Ваське: — Идем со мной, я тебя перевяжу.

На Баланду было страшно смотреть. Он, согнувшись, вышел из палатки, за ним потянулись подавленные ребята. «Похожие на фашистов» — такое просто не переживешь... Все вышли, а Димка остался лежать, и около него стоял Антон. Тут же вернулась Людмила Сергеевна.

— Ты почему лежишь? — спросила она Димку.

— Оставьте его, Людмила Сергеевна, — мягко сказал Антон, — пусть полежит. Трудно ему.

— Встать! — крикнула она. — А тебе легко? Тебе легко, Антон? А мне легко? — и она снова вышла.

— Пойдем, горюн, — сказал Антон.

И Димка пошел. И собирал эти проклятые кайрины яйца, пока у него не потемнело в глазах.

Перед ужином Людмила Сергеевна зашла на кухню. Баландина там не было.

— Где он? — спросила она.

— Ушел, — спокойно ответил Боря. — Взял полбуханки хлеба, винтовку и ушел.

— А ты? Где ты был? — побледнев, спросила она.

— Я его не удерживал, — грубо ответил Боря, — пусть походит, подумает.

Людмила Сергеевна выскочила из кухни.

Громов уже уехал, захватив ящики с яйцами, на своем «Альбатросе». Ушли и оба Ивана Ивановича. Напоследок Прилучный-старший сказал Людмиле Сергеевне:

— Да плюньте вы на этих песцов паршивых.

— Ах, да разве в этом дело, Иван Иванович, — сказала Людмила Сергеевна.

— Понимаю, — сказал Прилучный серьезно, — но ведь и драку эту понять можно. Такая беда у всех. Я и то зубами скриплю, а они... Ну, вы комиссар, вам и решать... Я уже говорил вам: мы с Иваном на дальний промысел пойдем. Марье с мальцом в Кармакулы к доктору надо. Других малых я с собой возьму, чтоб вам не мешали, и Ольга со мной просит-

На передовой — автоматчик из роты, в составе Громы. Людмила Сергеевна со своим командиром

ся. И трех собачек с собой возьму, а уж за остальными вы посмотрите... Мы на Гусиную Землю пойдем, здесь никакой охоты нет, а там гуси. Недельки через две вернусь, тогда покажу ребятам, как кайру бить. К тому времени яйца уже негодные будут, опарыши, птенцы, значит, в них заведутся. Так что вы не все яйца отправляйте, а чуток себе на пропитание оставьте.

Он попрощался и ушел. Вся семья и собаки были на ботике.

И Людмила Сергеевна осталась одна со своими отчаянными и любимыми мальчишками, а Баландин ушел, и в первый раз она не знала, что делать.

Вернувшись с работы, ребята заметили на столе обрывок бумаги. Антон взял его. Это была записка от Васьки. Антон прочел ее сначала про себя, а потом вслух:

«Это не я. Это Шкерт, а песца Арсе Морошкин подсунул. Он еще похвалялся, что энтим начальничкам таку штуку покажет. А я не тюремная морда. Мне мать письмо прислала. Отца на фронт взяли. Писал это Баланда».

Так он и подписал: «Баланда».

Все повернулись к Шкерту. Он побледнел и облизал пересохшие губы.

— Брешет Баланда, — осипшим голосом сказал он. — Доказать надо...

Ребята молчали, и в этом молчании было что-то такое, что Шкерт понял: нет, бить его не будут, будет похуже...

— Баландин ушел! — крикнула Людмила Сергеевна, вбегая в палатку.

— Куда ушел? — ошеломленно спросил Антон.

— Не знаю.

— Туда, — сказал Боря, показав на север. — Винтовку взял, хлеб взял и ушел.

— А ты чего смотрел? — яростно спросил Антон.

— Не подойдет, — злобно сказал всегда добродушный и спокойный Боря, — а если и подойдет...

Антон молча сунул ему под нос Васькину записку.

— А может, врет? — проговорил Боря, дочитав записку до конца.

— Так не врут, — сказал Антон.

— Да что же происходит! — крикнула Людмила Сергеевна. — Объясните же наконец!

Антон подал ей записку, она прочла и села на койку. Ребята молчали, она сказала жалобно:

— Что же вы наделали? Что же вы наделали, глупые мои дети?

Ну, что было говорить? Так мерзко было у всех на душе. Все молчали и опять смотрели на Шкерта, а он повторял хрипло и нагло:

— Врет Баланда!

— Не врет! — визгливо закричал Морошка. — Не врет!.. Не могу я больше! Все скажу... — и он вывалил из своего мешка гагачий пух, — и у него посмотрите...

Мешок Шкерта тоже был набит гагачьим пухом.

— Куда песцов дел? — спросил Антон.

— Ищите, — сказал Шкерт и сплюнул.

— Ну и подлюга! — сказал Славка, сжимая кулаки.

Людмила Сергеевна немного пришла в себя.

— Корабельников, отведи этих, — она кивнула в сторону Шкерта и Морошкина, — в сарай к Прилучному и запри их там. Когда придет «Альбатрос», он заберет их. А Василия надо искать. Пойдут: Корабельников, Пустошный, Гиков и Дима Соколов. Пойдете вдоль берега на север. Возможно, он пошел на Маточкин Шар. Смотрите хорошенько и возьмите с собой винтовки: И собак.

Увязался и Шняка...

ФАШИСТЫ

...Прилучный поставил свой бот на якоре в маленькой, почти закрытой от моря губовине. На корме, свернувшись пушистыми клубками, дремали собаки. Спали в каюте Марья и младшие. Спала и Ольга. Он не стал их будить. Кликнул Ивана, набивавшего на палубе патроны, отвязал ялик, и они, взяв ружья, пошли пострелять кайры на корм собакам, а если какая более серьезная птица попадется, гусь, скажем, то и себе. Пока не вышли из губовины, Иван-младший греб лениво, с развальцей, посвистывая.

— Ишь, рассвисталси... — хмуро сказал отец, — гляди беды не насвисти...

Как всякий потомственный помор, он не то чтобы очень уж верил, а скорее уважал приметы и поверья. А свистеть в море — не гоже: старый закон. Потому что не для прогулок оно — море студеное, для работы. Иван усмехнулся, но свистеть перестал. А уж когда совсем из бухты вышли и загулял сильный накат, налег на весла по-настоящему.

— Мысок обогнем, возьми мористее, — сказал Прилучный, — там под берегом волна сильно бьет.

— Знаем, — отозвался Иван.

— Много больно знашь, — проворчал отец.

Иван опять усмехнулся, но ничего не сказал, подумал только: «С чего, однако, разворчался батя-то? Наверно, за песцов переживает». Не спросил. Привычки не было спрашивать. Надо — сам скажет.

— Пойду я на флот, батя, — вдруг сказал Ваня и, не взглянув на отца, налег на весла.

— Кто тебя возьмет, недомерка? — сердито спросил Прилучный.

— Арся архангельский сказывал, что на Соловецких островах школу юнг открывают. Туда с пятнадцати берут.

— А песца кто добывать будет? — спросил старший. — Меня на фронт не берут. Ты тут, говорят, нужен — золото пуховое для страны добывать. А ты, сопляк, туда же!

— Не могу я сидеть, когда другие воюют, — упрямо сказал Ваня.

— А думаешь, мне легко?! — грустно спросил старший. — Нельзя нам с тобой, дитя, на войну. Много ли нашим два штыка силы прибавят? А тут мы большую пользу даем. Два десятка песцов — это ведь пулеметы или пушка какая.

— Ты бы снайпером мог, — не сдавался Ваня, — да и я тоже...

— Снайпером, снайпером, — с горечью повторил Прилучный, — да я бы... — он стукнул кулаком по банке и замолчал. И до самого птичьего базара они не сказали ни слова. Птиц на базаре не много, лодку сильно качало, целиться было неудобно, но все же за часок Прилучный с сыном настреляли десятка четыре кайр и моевок. И так же молча отправились обратно.

...Васька Баландин выбрался на верхушку какой-то незнакомой скалы. С малокалиберкой наперевес, с холщовым мешком за плечами, в котором лежал кусок хлеба да подстреленная по дороге кайра, он осторожно пробирался между камнями. Он шел на Матшар. «Там, — думал он, — прибьюсь к какому-нибудь пароходу и — в Архангельск, а оттуда — на фронт».

Он уже порядком устал и присел на камень возле обрыва. Заглянув вниз, он увидел ботик Прилучного.

Он взглянул на море, по которому ходила не крупная ленивая зыбь, и подумал, сможет ли сам добраться до Матшара. Вдруг его рассеянный взгляд словно споткнулся обо что-то. Он присмотрелся и увидел полоску пенистой ряби, которая бойко бежала по воде примерно в километре от берега прямо на траверзе входа в бухту. А через пару секунд он увидел перископ подводной лодки. Он все выше и выше поднимался из воды, а вскоре, вспенивая буруны, показалась рубка, а затем и вся лодка — черная, хищная. Фашистская. Всплыв, она еще немного двигалась вперед, а затем за ее кормой вода словно закипела: лодка дала задний ход, остановилась, покачиваясь на зыби. Васька замер. Чего ей здесь надо, этой стерве?

Он увидел, как открылся люк и на площадку у рубки спустились трое. Один из них внимательно оглядел в бинокль берега, скалы и вход в бухту. Потом показал рукой в глубину бухточки и что-то сказал. Васька сглотнул горькую слюну — бот заметили, вот оно что... Что делать? Кричать? Не докричишься. Он все-таки крикнул пару раз, но никто не отозвался. Даже собаки продолжали спать на корме, а на подводке уже поднялась какая-то возня, — на палубе бегали фашисты в черной робе, надували лодку. В нее сели трое — двое на веслах, один на носу, — и все с автоматами.

Что было дальше, Васька запомнил как страшный, кошмарный сон. Лодка подошла совсем близко к ботику, и первым всполошились собаки. Они зарычали и залились лаем, но раздалась автоматная очередь, и собаки

смокли. Первой выскочила на палубу Марья, за ней Ольга... Еще одна автоматная очередь, и Васька закрыл глаза. Когда он отнял руки, надувная лодка медленно тащила бот на буксире в море. Васька не знал, есть ли еще кто-нибудь на ботике, даже не думал об этом, он, жутко ощерясь, перезаряжал свою малокалиберку и стрелял, стрелял, зная, что это бесполезно — его стрельбы немцы даже не заметили. Они подвели бот к лодке и отпустили буксир. Васька увидел, как трое других на лодке навели на бот пушку, раздался выстрел, и один снаряд разнес деревянное суденышко в щепки. Затем фашисты забрались в рубку, задраили люк, и лодка снова ушла под воду.

Закричав каким-то не своим, каким-то пронзительным голосом, Васька бросился на землю и заплакал, как, наверно, никогда не плакал в своем неласковом и жестоком детстве...

А потом он бежал, бежал отчаянно, ни о чем не думая, бежал обратно в лагерь... к своим.

Он пробежал полдороги, когда с востока вдруг понеслись темные жуткие тучи. Ветер рванул раз, другой, третий, а потом во всю силу ударил «восток». Ветер сбил Ваську с ног, но он поднялся и упрямо пошел дальше. Солнце исчезло совсем, навалилась воющая хмарь, и Васька, в который раз сбитый с ног ударом ветра, потерял сознание.

...Когда он очнулся, над головой было опять синее и яркое небо. И будто ничего не было. Не было черных, мчавшихся по небу туч, не было адского ветра, не было проклятой подводной лодки и убитой Ольги. Не было погибших собак и упавшей, как подкошенная, Марьи. Не было пушечного выстрела и затонувшей «тыпалки». Ничего не было. Были тишина и покой.

И даже птицы, от которых всегда некуда было деваться, молчали. Только какая-то маленькая птица, стремительно прочертив небо над самым Васькиным лицом, что-то сказала. Что она сказала, Васька не понял. Что-то мешало под головой. Надо бы убрать, да не хотелось. Лежать вот так, глядя в неоглядную синь и ни о чем не думать, даже о том, что затылок жестко режет какой-то камень. Лежать вот так и вдыхать то ли прелый, то ли свежий, то ли нежный, то ли терпкий запах тундры и ни о чем не думать. И только сейчас краешком души, тихим биением сердца и еще даже не мыслью, а только прикосновением мысли понять, что жив.

...Мокрый нос ткнулся в ухо. Влажный и теплый добрый язык лизнул щеку. И карий милый глаз с любовью засматривал в бездумные, видящие только небо глаза... Шняка!

И больше ничего не было...

Было!

ДОМОЙ

...Через два дня пришел на «Альбатросе» Громов. Людмила Сергеевна совсем извелась

за эти дни и, когда увидела Громова, бросилась ему на шею и расплакалась совсем как девочка.

— Бедные вы мои ребятишки, — проговорил Громов.

— Мы не бедные, — сказал Арся сурово, — мы богатые. Мы такие богатые... — он вздохнул и замолчал.

Стояла долгая тишина, а потом Громов сказал:

— Ничего я вам говорить не буду. Все, что надо, сами понимаете. И верно — какие вы бедные? Да богаче вас никого на свете нет и не было. Это фашисты бедные, черт побери их. — Громов помолчал, махнул рукой и отвернулся.

«Альбатрос» ушел в тот же день, увезя с собой добычу. Уехали Антон, Арся и Вася Баландин. Первым же кораблем они уходили в Архангельск: Громов привез им направления на Соловки в школу юнг.

Отправили в Архангельск и Шкерта с Морошкиным — на усмотрение милиции.

Перед самым отъездом Антон сказал Димке:

— А ты молодец, питерский ты парень, Соколов Дмитрий! Выдюжил, другим стал... Ну, прощай.

...А промысел продолжался. Но сейчас ребята уже не собирали яйца, а били кайру.

— На то он и промысел, — сказал Димке однажды Ваня Прилучный, когда увидел, как тот морщится каждый раз, когда убивает птицу. — Ленинград вспомни, да и Архангельск.

Оба Прилучных никуда не уехали, а стали промыслять с экспедицией. Ваня и всегда-то молчаливый почти совсем замолчал, а Иван Иванович... на него тяжело было смотреть — он почернел и тоже молчал, как каменный. Они приходили домой только спать, а все остальное время были с ребятами. Да и сами ребята не могли бывать в этом осиротевшем доме — так было горько. Кирзовый Сапог, Соколиный Глаз, Амазонка... Добрая тихая Мария Николаевна с ее вечной ношей на руках — крохотным Сенюшей. Три «малых», три веселых отличных пацана... Нет! Уж это одно нельзя было простить фашистам!

Ребята работали как одержимые. Одни били кайру, а другие шкерили, то есть потрошили ее и сдирали шкурки. Тушки мыли и полоскали в бочке с морской водой и вымачивали в ней сутки. Потом засаливали в крепчайшем растворе соли в брезентовых чанах — тузлук называется тот раствор — и укладывали, пересыпая солью, в бочки.

Все шло в дело. С внутренней стороны шкурок снимали слой жира толщиной в палец. Жидкий, если его растопить, он был похож на подсолнечное масло, а замороженный — на сливочное. Ели его, намазывая на хлеб, и Димке было приятно думать, что жир этот пойдет, может быть, и в Ленинград, и кто-то будет есть его, радуясь больше, чем какому-нибудь довоенному деликатесу.

Промысел проходил так. Убитую шихалом птицу складывали в мешки, которые были привязаны к поясу, или в корзины, и их поднимали ребята наверх. А птица, которую били из винтовок, падала вниз, на берег или в море. Там уже дежурили ребята на шлюпках — они подбирали птиц. Ревели кругом волны, шлюпку швыряло то и дело, она могла разбиться о прибрежные скалы. Не обходилось и без ледяных купаний.

У засольщиков саднили разъеденные солью руки. У тех, кто собирал птицу в море, от постоянной сырости распухли и ныли ноги, у охотников трещали все кости от тех невероятных положений, которые им приходилось принимать, пока они били кайру. И все-таки работали! Работали зло, отважно, дружно.

Людмила Сергеевна стала молчаливой и делала все, что могла, готовила еду, пекла хлеб в печке Прилучного, работала с ребятами на засолке.

...К концу августа погода стала совсем дрянной и менялась на дню по десять раз, не меньше — то обложной дождь то ветер такой, что носа из палатки не высунешь, то град, то снег, то вообще черт знает что. Но все равно работали...

И только когда погода дурила совсем, ребята валились в палатки, играли в шахматы, в шашки, в домино, иногда просили Людмилу Сергеевну рассказать что-нибудь интересное, и слушали ее, затаив дыхание, а пели редко. И почти всегда одно и то же: «Позабыт-позаброшен» — песню беспризорников из кинокартины «Путевка в жизнь». Людмила Сергеевна сердилась, когда затягивали эту песню, но все-таки ее пели. «Синий платочек» не пели. Никогда.

К началу сентября птицы начали улетать. Птенцы уже, как говорят охотники, «встали на крыло». Промысел кончался. Готовились к отлету и ребята. И вскоре за ними пришел «Альбатрос». Он забрал остатки добычи и в два рейса перевез всех в Малые Кармакулы. В последний рейс уехали и Прилучные.

— Не могу я здесь оставаться, — сказал Иван Иванович, — попрошусь в Белушью...

...А потом в Кармакулы пришел военный тральщик, с ним сторожевик и вооруженный ледорез «Литке». Провожать ребят вышло все население поселка и все собаки. Оба Прилучных тоже были на берегу. Людмила Сергеевна обняла обоих и заплакала.

Рядом с Ваней стоял Серый. Насторожив уши, он беспокойно вертел головой, оглядывая всех. Он все понимал. Димка опустил на колени, обхватил руками его могучую пушистую шею и прижался к ней головой... В горле застрял какой-то комок.

Первая партия уже сидела в шлюпке, и Афанасий Григорьевич передавал ребятам Шняку... Димка встал и пошел к лодке.

...Прощай, Новая Земля... Здравствуй, Архангельск...

ПЕСЕНКА

Борис ГОЛОВАНОВ

Сидели на ветке четыре скворца,
И песенку пели они без конца:
Чивирли!

Чутирли!

Торьем!

Туртюфью!..

Так песенку пели четыре скворца,
И все не могли ей придумать конца:
Чивирли!

Чутирли!

Торьем!

Туртюфью!..

Один улетел высоко в облака.

Другой улетел добывать червяка.

Третий к птенцам...

А четвертый скворец

Нашел все же песенке этой конец:

Чивирли-чутирли-торьем-туртюфью,

Чувурли-чиварли-чифли-тюрд юлю!

Рисунок А. Ивашенцевой

ЖИЛ ДА БЫЛ ЧЕЛОВЕК

Жил да был человек на земле.
Целый год он мечтал о тепле.
Жарким летом и лютой зимой
Без тепла приходил он домой.
Но однажды в свирепый мороз
В дом щенка он с собою принес,
Накормил, застелил уголок,
И заснул благодарный щенок.
Шел с улыбкою в цех человек,
Не пугал его холод и снег.
Шел и думал о том, почему
Стало в доме теплее ему.
То смеется, то песни поет...
Вот какие, ребята, дела:
У того, кто без друга живет,
Никогда не бывает тепла!

НА ТРУДОВОЙ ВАХТЕ

«Даешь пионерскую плавку!» — такой плакат пионеры принесли с собой на завод имени Октябрьской революции. Сегодня здесь митинг. Ребята Ленинского района Одессы, лучшие сборщики металлолома, передают трудовой паспорт на плавку Герою Социалистического Труда Борису Алексеевичу Шевченко.

— На нашем государственном гербе, — говорит ветеран завода, — колосья, серп и молот. Хлеб и металл — основа могущества нашей страны. Народное добро. Бережно к ним относиться — значит хорошо заботиться о Родине. Сбор металлолома — замечательная традиция пионеров всех поколений. Металлолом собирали ваши дедушки и бабушки, старшие сестры и братья. А сегодня мы с вами рука об руку на трудовой вахте. Вижу, среди вас нет белоручек. Пусть эта пионерская плавка будет вашим общим вкладом в пятилетку!

...Этот день школьники запомнят навсегда. Как запоминает каждый, кому доверено настоящее, нужное людям дело. Ребята знают историю этого завода, гордятся тем, что именно отсюда отправляли машиностроители своих посланцев за советом к Ленину. Сколько раз потом ветераны рассказывали о своей встрече с вождем!

На центральной заводской площади, где проходит пионерский митинг, обычно отмечают все важнейшие события в жизни заводского коллектива — от выпуска первых плугов до стальных богатырей, мощных, быстроходных!

Шихтой — так называют металлолом — сталевары заправляют печи на глазах у ребят.

Начинается плавка.

Пионеры в брезентовых куртках, касках. Лица их светятся радостью. Им доверили включить ток. Белой вспышкой слепит электродуга. Отсветы пляшут на плакате «Привет участникам пионерской плавки!»

Хочется быть такими же ловкими, сильными, как рабочие у печи. Но печь не подпускает неумелых: пышет жаром, обдает ослепительными сполохами.

— Вам нравится у нас? — спрашивают рабочие.

— Да! Еще бы! — ребята в восторге. — Как хорошо, что мы много шихты собрали!

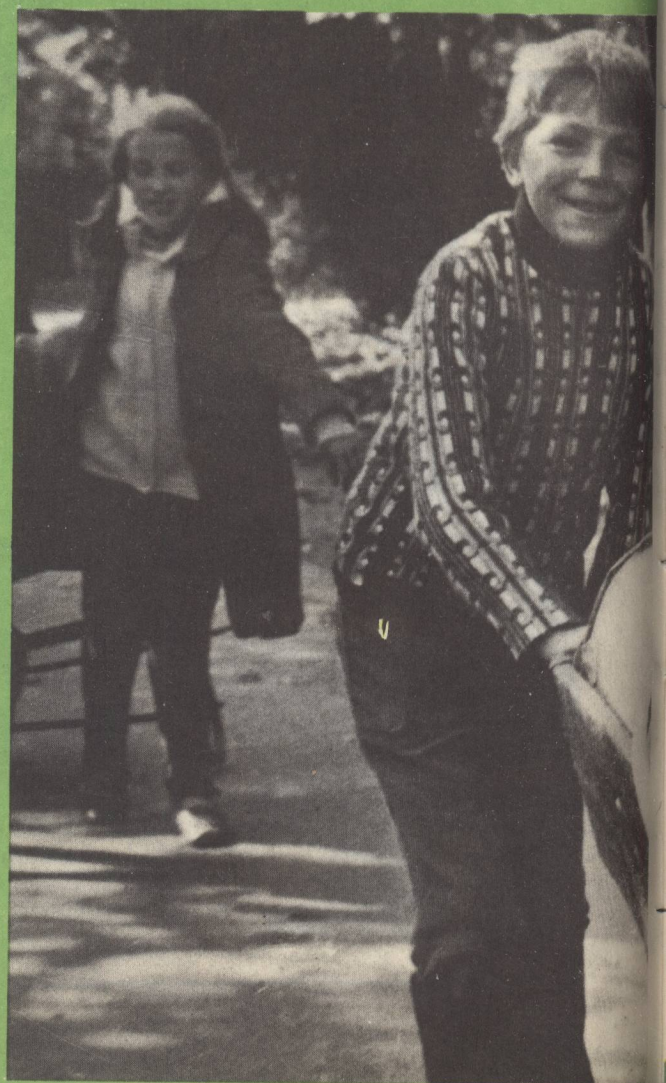
Кран подвел ковш к печи. Белая стальная лента ударила в дно ковша.

Рабочие поздравляют пионеров. Пошел пионерский металл!

Е. ЧЕЧКИНА
Фото автора

Самый юный участник плавки

Сталевар Б. А. Шевченко,
Герой Социалистического Труда,
рассказывает юным гостям о родном заводе

„МЫ ВЕРНАЯ СМЕНА ТВОЯ, КОМСОМОЛ“

В начале этого года торжественно и весело прозвучали эти слова на пионерских линейках, сборах отрядов и дружин. Идет новый этап Марша, посвященного 60-летию Ленинского комсомола. Каждый пионер, каждое звено и отряд стараются как можно точнее выполнить наказ съезда комсомола.

Отличная учеба, активное участие во всех Всесоюзных акциях, трудовые подвиги Родине — рапорт пионеров XVIII съезду ВЛКСМ.

Юные ленинцы делом доказывают верность Торжественному пионерскому обещанию, своим пионерским законам. Миллионы ребят учатся жить, работать и бороться, как завещал великий Ленин.

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ

Оформление Г. Ковенчук

ОКТЯБРЯТА-ВНУЧАТА ИЛЬИЧА

...Однажды, когда я был маленьким, мы собрались на дачу и поехали на Финляндский вокзал. Там я увидел памятник — Ленин на броневике. Папа рассказал, что здесь после возвращения из эмиграции Владимир Ильич выступал перед рабочими, матросами и солдатами. Трибуной Владимира Ильича был броневик. А потом папа показал мне паровоз, на котором приехал Ленин. Паровоз стоит под стеклом, и его можно хорошо разглядеть.

В нашем городе много домов, в которых бывал Ленин, а в классе у нас висит портрет маленького Володи Ульянова.

Саша Сорокин

Рядом с нашей школой есть Дом культуры железнодорожников. На памятной доске — на стене дома — написано, что здесь выступал Владимир Ильич Ленин, вождем Великой Октябрьской социалистической революции. Под надписью есть полочка для цветов. Раньше у нас в классе

Октябрята
359-й школы
Ленинграда
уже
много знают
о жизни
и деятельности
великого
вождя
революции.
Вот что
они
рассказали
в своих
письмах
в редакцию

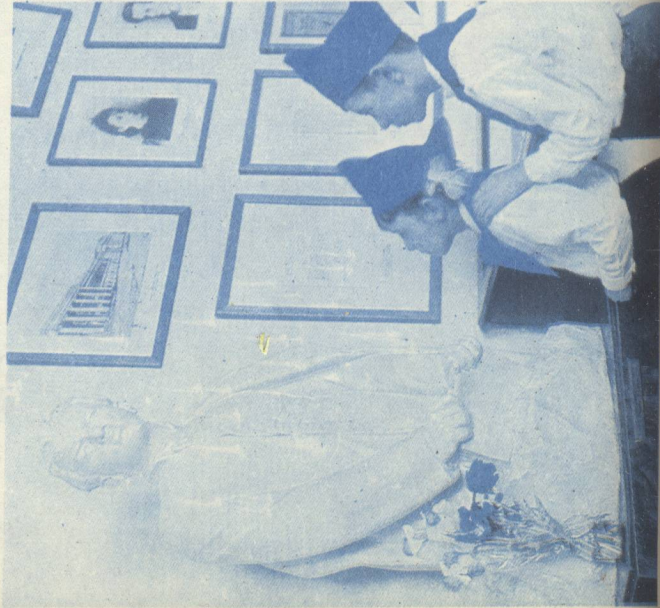
все были маленькие и не могли сами дотянуться до нее. Да и сейчас еще не все могут сами положить цветы. В день рождения Ленина после сбора мы идем к Дому культуры вместе со взрослыми.

Люда Перова

Все ребята нашего класса по несколько раз прочитали книгу «Наш Ильич». В ней много разных рассказов о детстве Владимира Ильича Ленина. Мне все запомнилось. Про «общество чистых тарелок», про «черное кресло на казаний», а особенно про то, как однажды Володя посадил кляксу, вынул этот лист, вставил новый и снова переписал три странички.

Мне нравятся все рассказы о семье Ульяновых. Однажды мы со своими вожатыми ходили на Волковское кладбище. Там похоронены мама и сестра Владимира Ильича. Это недалеко от моего дома. Потом я была там еще раз с папой, мамой и сестренкой Катей.

Вика Романова

ТВОЙ СТАРШИЙ БРАТ — КОМСОМОЛ

В пионерской дружине школы № 297 совхоза «Детскосельский» идет подготовка к юбилею комсомола. Пионеры решили составить такую карту нашей страны, где были бы отмечены красным флажком все города, названные в честь комсомольцев.

Рассказывают юнкоры «Барабана» из совхоза «Детскосельский» Ленинградской области

Пионерские поезда БАМ

Света Михайлова:

— В нашей восьмилетней школе мало комсомольцев, но зато все они хорошие ребята, и мы всегда берем с них пример. Когда начали строить Байкало-Амурскую магистраль, комсомольцы собрали много металлолома. Мы, пионеры, не отстали от них, потому что нас больше. Металл стали собирать несколько раз в году.

сомольцах, но мне хочется рассказать о папе.

Папа вступил в комсомол перед самой войной. Когда началась война — пошел на фронт. Был он очень храбрым, веселым. А ведь на войне было опасно и трудно.

Однажды со своим другом Павлом Заржевским они дежурили на наблюдательном пункте. Фашисты заметили их, начали бить из миномета. Павла убили. Два гитлеровца на бросились на папу, схватили его за руки, потащили куда-то. Тащили, тащили — решили отдохнуть. Вынули из карманов губные гармошки и стали играть. А у папы за голенищем сапога был трофейный пистолет. Пока они играли, папа незаметно достал пистолет и расправился с ними, а сам вернулся к своим.

Теперь, когда я читаю рассказы о комсомольцах военного времени, я все ярче представляю себе, потому что много слышала о подвигах юношей и девушек во время войны и от папы, и от других род-

Лена Шарагина:

РАССКАЖУ О ПАПЕ

Пионеры пришли на почту, чтобы узнать названия интересующих их городов

Дружбе Лизы Чайкиной

Наша дружина носит имя славной комсомолки Лизы Чайкиной. Еще вступая в пионеры, мы прочли книгу о ее жизни — «Чайку» Н. Бирюкова и заинтересовались биографией писателя. Комсомолец-корчагинец был среди тех, кого теперь называют первыми. Работая на плотине, он несколько часов провел по колесу в воде: надо было предотвратить аварию. И с девятнадцати лет юноша оказался прикованным к постели, болясь с тяжелым недугом и писал до конца своих дней. Четыре года мы вели поиск, в котором участвовала вдова писателя Анна Ильинична, директор музея в Ялте. Всем

познакомились с пионерами дружины имени Николая Бирюкова.

Много дала нам поисковая работа. Наш отряд стал памятной ленту ЦК ВЛКСМ.

Недавно мы провели свое первое комсомольское собрание и диспут: «14 лет. Это много или мало?» Диспут начался с чтения записок Бирюкова. Он, как известно, был комсомольским вожаком в Орехово-Зуеве. На зимних каникулах мы съездили в этот город. Мы мечтали о слете бирюковцев страны, и свой поиск мы проводим комсомольцами.

Оля Чечина,
школа № 24

Вот

мы уже и в третьем классе!

Мы — это «Звездочка № 1» класса 3 «б» средней школы № 46 Ленинграда. Сева, Алеша, Дима, Наташа, Люба и Игорь.

Однажды дедушка Игорь Яковлева — Николай Михайлович — ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда, задал нам такой вопрос:

НАШ ПОИСК

«Нам написал Эдуард Эдуардович Смилга, латышский красный стрелок, инженер-майор в отставке: «В. И. Ленин поражал всех нас простотой, доступностью, необыкновенной внимательностью, человечностью».

Хранится у нас в музее и письмо депутата III съезда комсомола Михаила Матвеевича Кукорощникова: «Словно окрыленный, возвращался я со съезда в Нижний Новгород (так раньше назывался город Горький, где и сейчас живет Михаил Матвеевич). Рассказывал на собраниях о задачах, которые поставил В. И. Ленин перед молодежью, все время думал: надо и самому учиться, подавать пример другим, на деле осуществить призыв Ильича». М. М. Кукорощников рассказал нам в письме о том, как много он учился: окончил семилетнюю школу, рабочий факультет — рабфак института, аспирантуру. На всю жизнь запомнил бывший матрос свою встречу с В. И. Лениным.

Красные следопыты, члены совета музея
Света Борщ, Тамара Овчарук,
Боря Черный, Людмила Макарина
Молдавская ССР,
Единецкий район,
школа-интернат

Письмо юнкора

«Какой подарок хотели бы вы сделать школе?» Мы заспорили: каждый предлагал свое... Николай Михайлович предложил: «Соберите материал о полете советского человека в космос... А я помогу вам...»

Свою первую выставку октябрята решили подготовить к 12 апреля, ко Дню космонавтики. Разыскали фотографию ракетно-космической системы

корабля «Восток». Узнали, что в Москве, на площадке возле павильона «Космос» на Выставке достижений народного

хозяйства, находится макет этой установки.

Наша учительница Ираида Ивановна очень хвалила нас за макет «Востока». Подготовили мы и другой макет. Он изображает старт, полет и возвращение на Землю космического аппарата с человеком на борту.

Сева Анисимов,
командир «Звездочки»

ТВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ РОВЕСНИК

«Дорогая редакция! Первое апреля — день рождения пионерской организации имени Хосе Марти. Просим напечатать в «Барабане» эту открытку и поздравить пионеров Кубы от имени нашего КИДа!

Света Нефедова,
село Крестики
Омской области

Дорогой «Барабан»!

В нашей пионерской дружине состоялся митинг против применения нейтронной бомбы.

Все наши ребята помнят обращение Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!». Все люди в нашей советской стране борются за мир, никто не хочет войны. И мы — за мир!

Ира Филиппова,
поселок Луново
Пензенской области

ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ

Иван Моруа Кастанеда, 8 лет, Перу

маленький фельетон почтарика

«Здрастуй редакция! Хачу перисываться с Индеей...»
Так началось письмо Гали Н. Прочитали мы его и подумали: может быть, ты, Галя, не знаешь, что в Индии не живут индейцы, а народ хинди. Поэтому и пишется не Индия, а Индия. А может быть, ты не знаешь, что Америка названа Америкой в честь Америго Веспуччи. Америго, а не Америке... И наконец, что бы ты подумала, Галя, если бы получила от нас такой ответ:

Проследите вы за Юрой:
Не идет — выхлещется,
Значит, в школе физической
Мало занимается.

Неожиданно не стало
Пети, Вани, двух Сереж.
Появились, как ни странно,
Бык, Косой, Задира, Еж.

Прислала записанные в школе
частьшки А. В. Свердловца из села
Богогад Красноярского края

Один наш ученик написал: «Се-стра стоит хмурая, сдвинув лоб набокрен».

Прислала
Ира и Катя Яшны
из города Коврова

Первоклассница Аурика вбегает в комнату и радостно сообщает маме: «Я написала сочинение по математике!»

Прислала
Родика Гайбабтуст
из поселка Новые Алены
Молдавской ССР

частьшки

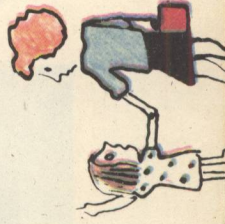
Наша частьшка

Алеша слушает радиоприемник.
— Ты что делаешь?
— Думаю ушами...

Записал
Вадим Шаров,
Ленинград

Учитель:
— Что сказала Маша, расставаясь с Гриневым?
Ученица:
— Она просила: «Не покидай меня на старости лет!»

Прислала
Лена Никитина,
город Комсомольск

«КАК ТИБЕ НЕ СТЫДНА НА ЗНАТЬ ГРАММАТИКИ! РАЗВЕ МОЖНА ПЕЧАТЬ С АШПИКАМИ, А ИСХО ХО-ЧЕШЬ ПЕРИПИСАВАЦА С ЕНОСТРАНЦАМИ. НАДА ПЕСАТЬ НЕ ШВЕДЦЯ, А ШВЕТЦЯ.»

Получив такое письмо, ты бы, Галя, подумала: «Сначала грамоте обучи-тись, а уж потом...» И подумала бы совершенно правильно.

все чаще
в редакцию
приходят письма
с пометкой на конверте:

«БАРАБАНЫ»
«РАССКАЗ-ПОСМОВИЩА»

печатаем
два рассказа

Семеро одного не ждут

Маша торопилась на сбор звена, когда к ней подбежала Валя и предложила встретиться на катке.

— Да мне некогда, ребята уже минут десять меня ждут, у нас сбор, а я — звеньевая!

И все же Валя уговорила Машу встретиться на катке под часами. На ходу Маша заскочила в пионерскую комнату, сообщила ребятам, что у нее сбор звена, что ребята ее минут двадцать ждут, а что они с Валею договорились встретиться на катке, а она, Маша, очень опаздывает.

У самого порога класса — уже после катка — Машу окружили подружки и вручили ей забытый в гардеробе шарф. Только и сказали: «Ох ты, Маша-растеряша!»

— Спасибо, спасибо, — ответила Маша, — очень спешу, меня ребята ждут. — С этими словами распахнула дверь и увидела: в пустом классе на доске написано: «Семеро одного не ждут!»

Вадим Костин,
школа № 252,

За много дел не берись,
в одном отлепись

Зина посмотрела Клуб кинопутешествий и записалась в географический кружок... Потом увидела по телевизору выступление Лены Водозеровой и поступила в секцию фигурного катания.

На следующий день Зина спешила на занятия драмкружка, в школу балльного танца, еле-еле успела в студию «Чтец-декламатор». Возвращаясь домой, Зина купила «Самоду» учителя игры на гитаре и альбом для занятий в изокружке при Доме культуры.

На школьном вечере Зину попросили спеть, станцевать или прочесть стихи.

— Ой, что вы, — отмахнулась Зина, — я еще как следует ничего не разучила.

Вова Ежов,
школа № 13,
Ленинград

КОМАНДИРОВКА

«...Продолжить изучение и освоение космического пространства, расширить исследования по применению космических средств при изучении природных ресурсов Земли, в метеорологии, океанологии, навигации, связи и для других нужд народного хозяйства».

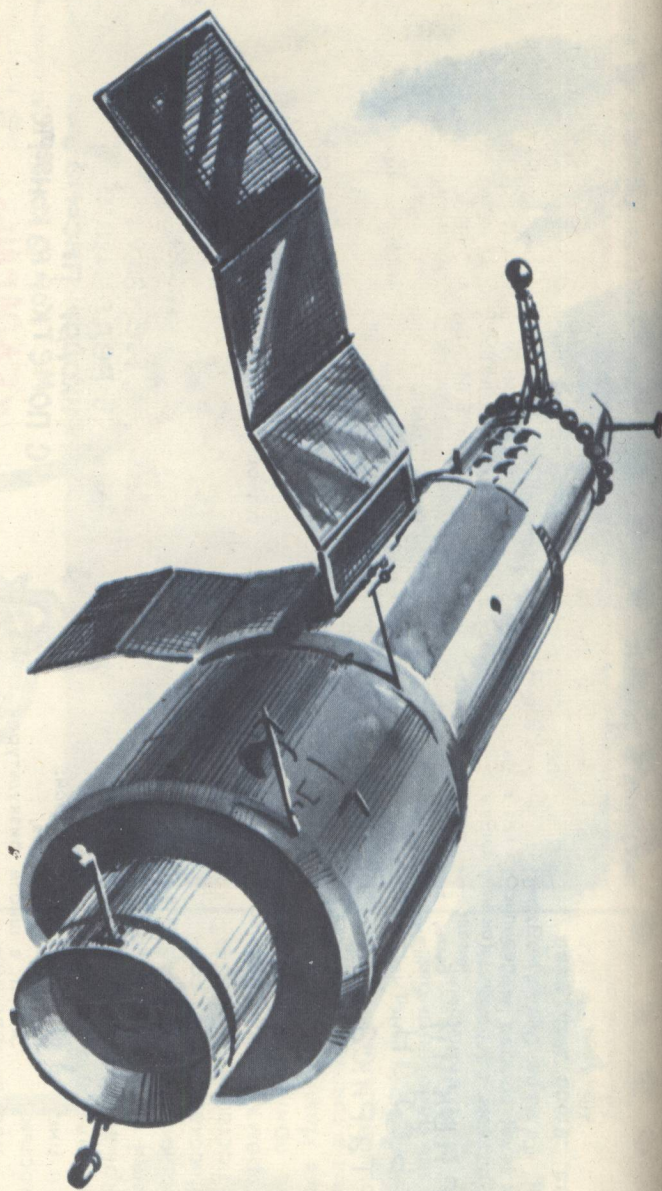
(«Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»).

Это был первый старт десятой пятилетки. Страна жила обычной жизнью. Люди пахали поля. Строили гидроэлектростанции. Возводили новые города. Люди работали. И двое из этого человеческого братства работали тоже. Только не на Земле, а в Космосе.

Они ушли за пределы планеты на долгие сорок восемь земных суток, и преподаватели Центра подготовки ставили в журналах против их фамилий короткое «ком». — Борис Волинов и Виталий Жолобов находились в космической командировке. На борту долговременной орбитальной научной станции «Салют-5».

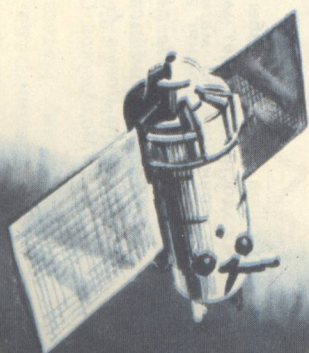
— Причалили отлично, — передал Борис Волинов. — Приступаем к выполнению программы.

Где-то в пространстве неподалеку от станции работали автоматические космические аппараты. Один из спутников серии «Космос» заметил: Северный Ледовитый океан от острова Врангеля до Берингова пролива очистился ото льда. Сигнал об этом немедленно поступил на Землю. И караваны судов, на

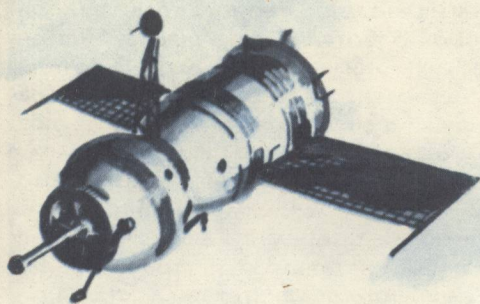
месяц раньше обычного пошли по Северному Морскому пути. Ранняя навигация позволила перевезти дополнительно тысячи тонн груза.

Спутники помогали штурманам океанских лайнеров прокладывать курс, предупреждали о тайфунах, ураганах, наводнениях. Они транслировали на наземные станции «Орбита» черно-белые и цветные передачи Центрального

НА ОРБИТУ

Виктор ШУРЛЫГИН

телевидения — почти вся страна охвачена сетью космического телевизионного вещания. Чтобы решить эту проблему чисто земными средствами, потребовалось бы 5000 телевизионных башен высотой по 100 метров, 1000 башен высотой по 300 метров и 700 башен высотой по 500 метров. И около каждой пришлось бы возводить огромные студии, аппаратурные. На такую стройку ушло бы лет сорок. Лишь в XXI веке смогли бы засветиться экраны телевизоров в дальних уголках нашей необъятной страны. Выручили спутники.

Много профессий было у автоматических космических помощников. Они работали астрофизиками, геологами, связистами, метеорологами, астрономами. Изучали далекие планеты, трудились на Луне. Но даже самые умные из них не могли заменить человека. И люди уходили на орбиту. Старты на одиночных космических кораблях обходились очень дорого. Земляне создали орбитальные станции — сложные инженерные сооружения для работы в космосе.

Огромные небесные лаборатории оснащены самыми современными приборами. Один месяц работы станции приносит человечеству столько знаний, сколько все ученые прошлого века накапливали в течение 70 лет!

Словом, освоение космоса — дело очень и очень выгодное.

— Трудимся напряженно, — передал в одном из сеансов связи Виталий Жолобов. — Программу выполняем полностью.

Глубокий вакуум и невесомость открывали перед человечеством фантастические возможности. В космосе можно было творить самые настоящие чудеса. Скажем, смешивая расплавленный металл и керамику, удастся получить однообразный сплав. На Земле такая операция абсолютно невозможна. А если в тот же расплавленный металл впрыснуть пу-

зырьки воздуха — получится вообще необыкновенный материал, похожий на губку, не тонущий в воде, не горящий в огне, легче алюминия и прочнее стали.

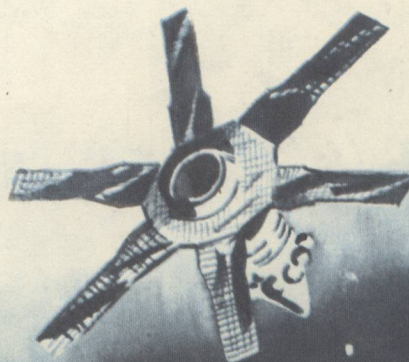
А обычный пластик? Если его выпускать в космосе под давлением из баллончика, он сразу вспенится. Получится замечательная пластмасса, которую можно использовать для защиты космических кораблей и станций. Стоит метеориту пробить обшивку, как пластик, вспениваясь, мгновенно залатает дыру.

— Сейчас я покажу, как мы делаем шарики, — сказал Виталий Жолобов. — Самые обыкновенные шарики, без которых не работает ни один подшипник.

Космонавт включил прибор с загадочным названием «Сфера». Металлическая заготовка размером с кончик карандаша выдвинулась из специального магазина и поползла в керамическую трубку — своеобразную плавильную печь. Из печи уже расплавленный металл небольшими капельками выталкивался в лавсановый мешочек. К моменту соприкосновения со стенками мешка «капельки» успевали затвердеть. Получались... шарики.

— На Земле процесс производства этих шариков невероятно трудоемкий, — объяснил бортинженер. — Заготовка проходит одиннадцать операций, прежде чем превратится в шарик. В невесомости все проще.

Эксперименты на «Салюте-5» подтверждали: в космосе легко наладить изготовление и пустотелых шариков — необыкновенно прочных и легких. Авиационные конструкторы только об этом и мечтают. Имея такие шарики, они смогли бы раз в десять уменьшить вес подшипников, на которых вращаются роторы реактивных турбин самолетов и вертолетов. И одновременно увеличить их надежность. «Выдувать» пустотелые шарики можно любого размера — от совсем крохотных до гигантских, диаметром 10—12 метров. Из таких оболочек инженеры думают создать на орбите гигантскую научную станцию, наращивая один пуск-отсек на другой.

Каждый день на станции был заполнен до предела. Космонавты выращивали в орбитальной оранжерее семена различных растений. Следили за поведением аквариумных рыбок гуни и мух-дрозофил. Вели планомерную съемку территории нашей страны несколькими фотоаппаратами — это необходимо для составления точных карт и выявления залежей полезных ископаемых. Самая важная для человека звезда — Солнце — изучалась с помощью инфракрасного телескопа.

Дни на орбите проходили незаметно. Точнее, стремительно пролетали — за обычные земные сутки космонавты встречали шестнадцать восходов и закатов. Все острее, до боли, им не хватало простого дуновения ветерка. Земного дня или ночи. Не хватало выужной зимы. Жаркого лета. Уличной суеты. Шума стадионов. Тесноты метро. Как говорят специалисты, сказывался недостаток привычных раздражителей нервной системы — сенсорный голод.

И все чаще и чаще астролетчики «заказывали» через специальное информационное устройство цветные кадры подмосковных пейзажей, изображения животных. Подолгу рассматривали фотографии родных и близких.

— Знаешь, — сказал однажды командир. — Когда приземлимся, когда выйдем из корабля, я лягу на землю, обниму ее и поцелую. А по-

том буду дышать воздухом и запахом пшеницы.

— Космос учит любить и беречь Землю, — ответил бортинженер. — Вернувшись, я никогда не смогу обидеть ни одной птахи, ни одной букашки. Они — наша жизнь.

Семь долгих недель Борис Волинов и Виталий Жолобов работали на орбитальной станции «Салют-5». Они провели сотни исследований и экспериментов. Когда их командировка закончилась, в спускаемый аппарат «Союз-21» переключались выращенные в космосе кристаллы, контейнеры с приборами, фото пленкой, магнитными записями, медицинскими и биологическими пробами. Разжались захваты, стягивающие станцию и транспортный корабль, включились двигатели отвода, и «Союз» начал медленно отходить от «звездной пристани».

Красавица станция, на которой они провели столько трудных и прекрасных дней, сверкая крыльями солнечных богатырей, уходила все дальше и дальше в ультрамариновую темень Космоса.

Оформление Н. Андреева

НАШ УЧИТЕЛЬ РИСОВАНИЯ

Дорогая редакция!

Меня зовут Галя Колоскова. Я перешла в шестой класс. Мое любимое занятие — рисование. Рисовать меня научил наш учитель Иван Алексеевич. Мы в кружке у него и с натуры рисуем, и по памяти. Узнали, что такое натюрморт.

В Иване Алексеевиче мне нравится то, что он ко всем внимательно относится. Если у кого-нибудь не получаются рисунки, старается утешить, объяснит, как надо работать.

Иван Алексеевич научил меня вглядываться в лица людей. Мне теперь хочется рисовать только портреты.

Сам Иван Алексеевич Семеновский — и художник, и скульптор. Он сделал портрет А. С. Пушкина. Из целой глыбы камня! По-моему, очень хорошо получилось. Хочется долго-долго вглядываться в портрет.

*Орловская область,
город Димитров*

**Художник работает
над скульптурным портретом В. И. Ленина**

На занятии кружка

В мастерской

Мальчик на башне

О. ОРЛОВ

Рисунок А. Харшака

Это будет рассказ о мальчишке, который мечтал о море и кораблях. Он хотел стать морским пограничником. Но не стал...

Жил этот мальчишка в городе Новороссийске. Звали его Витя. Но спустя двадцать лет после войны ни имя его, ни фамилия еще никому не были известны.

О страницах короткой его биографии, о всех подробностях жизни его и подвиге, обо всем этом узнали новороссийские пионеры. Поиск их продолжался много лет. Я же вам попытаюсь пересказать все, что узнал уже от них, и сделаю это как сумею... Но больше вам расскажут документы...

Новороссийск — город небольшой, чистый, нагретый солнцем, промытый ветрами.

Белые дома подковой окружают небольшую Цемесскую бухту, похожую на согнутый указательный палец. Бухта приветлива и надежна на вид, но на самом деле — коварна. Много-много лет назад в бухту вошли корабли русской эскадры и стали на якорь. Дело было летом, и было тепло. Приветливо зеленели близкие горы, и ничто не предвещало беды. Ветер, который вдруг обрушился с гор, был страшен. У кораблей ломались мачты и лопались якорные канаты. Часть эскадры выбросило на берег, а посреди бухты, вмиг покрывшись льдом, затонул со всей командой военный тендер «Струя»...

Так Новороссийск стал известен. Но это была печальная известность, рожденная страшным ветром — борой...

В другой раз Новороссийск напомнил о себе в 1918 году, когда флот, не желая сдаваться врагу, был потоплен по приказу Ленина.

Шла гражданская война, и Красная Армия вела тяжелые бои с белыми и интервентами. В Новороссийск вот-вот могли вступить немецкие полки. Из Москвы пришла секретная телеграмма: «Корабли в плен не сдавать. Флот потопить...»

Корабли вышли из порта. От них отделились

шлюпки с матросами. Последние из уходивших открыли кингстоны... Корабли, выполнив приказ Ленина, предпочли гибель позорной сдаче...

И снова Новороссийск был на устах у всей России...

Суждено было Новороссийску прогреметь и боевой славой и военными подвигами.

Каждый знает здесь про Малую землю и героический десант, когда неожиданно для фашистов наши моряки захватили на берегу, под самым городом клочок земли и обороняли его восемь месяцев.

Был среди десантников матрос Владимир Кайда — человек силы богатырской. Когда кончались патроны и гранаты, бил он фашистов кулаком... С него скульптор сделал бронзового матроса, который стал символом Новороссийска.

Много совершил он подвигов, и про него уже книжки написаны и песни поют. А сам Кайда жив, хотя и пробит-покалечен...

Кайда — часть славы Новороссийска.

Долго можно было бы рассказывать об этом городе и его людях.

Когда я приезжаю сюда, то иду на берег бухты и смотрю вдаль. На той стороне дымит цементный завод. Он похож на броненосец, который сел на мель и теперь никак не может сойти с нее.

Над бухтой летают чайки. Они на миг припадают к воде и снова взлетают, подхватив клювом рыбешку.

Устало подходят к причалам черные сухогрузы, светло-серые танкеры, белые теплоходы.

Однажды я увидел большой красивый корабль, а на его борту прочитал название — «Витя Новицкий».

«В честь кого назвали корабль? — подумал я. — Если бы в честь взрослого человека, то было бы — «Виктор»... Раз Витя, значит, мальчик...»

Корабль встречали ребята, новороссийские пионеры...

«Возможно, Витя жил в этом городе? Может быть, совершил подвиг?...»

И вот что я узнал...

ЛЕГЕНДЫ РАССКАЗЫВАЛИ РАЗНОЕ...

Когда Советская Армия освободила Новороссийск, — а было это в 1943 году, в сентябре, — вошедший в город вместе с войсками военный корреспондент услышал историю о том, как героически оборонялась старинная башня посреди одной из площадей, когда в город рвались фашисты.

В те дни улицы еще были заминированы. Корреспондент одной рукой делал записи в блокноте, а другой придерживал наготове автомат: фашисты-то были неподалеку.

Корреспондент наскоро написал очерк и отправил его в газету.

Сам же ушел с армией дальше — добывать врага.

Написал он следующее:

«...Комсомольцы Гришин и Цыбенко выбрали эту башню для своей огневой точки. С нее хорошо простреливались улицы, куда рвались фашисты.

Дверь в башню оказалась закрытой. Гришин поступал.

Брякнул засов, и на пороге показались четырнадцатилетний подросток и его шестнадцатилетняя сестра.

— Что вы тут делаете? — спросил Гришин.

— Фашистов бить будем!

Брат и сестра помогли моряку втащить по узенькой лестнице наверх пулемет и установить его в окне.

— Ну, а теперь за дело, набивайте патроны!

Осторожно, крадучись, как воры, по улице передвигались фашисты.

Пулеметчик дал очередь. Несколько гитлеровцев упало, остальные побежали... Но враг обнаружил пулеметную точку. Подошли танки и начали обстреливать башню. Разорвавшимся снарядом убило второго номера, краснофлотца Цыбенко.

— Я буду помогать стрелять, — сказал юный герой.

Без умолку работал пулемет...

Вскоре из-за угла вынырнул трехосный грузовик, на бортах которого ясно виднелись черные кресты. Из него начали выскакивать фашисты.

— Рус, рус, сдавайся, окружен!

...Взрыв потряс башню. Все окуталось черным дымом... А когда дым рассеялся, Гришин увидел — рядом с пулеметом, держа в руках набитую ленту, лежал окровавленный юный герой. Заплакала сестренка. Плотней сжал губы пулеметчик.

— За моего незнакомого друга! — прошептал Гришин, и в наступавших сумерках снова засверкали выстрелы...

В последующих боях погиб и комсомолец Гришин... Погибла и девушка.

Отзвучат годы войны. Полной грудью вздохнет советская страна. И в Новороссийске на одной из площадей, где сейчас стоит невысокая башня, советский народ воздвигнет памятник пулеметчику-черноморцу и двум неизвестным подросткам-героям, брату и сестре».

В очерке, как видите, нет фамилии и нет имени мальчика. И многое, как мы узнаем дальше, окажется не совсем точно.

Строчки эти были написаны, как говорится, по горячим следам. По отрывочным рассказам канувших потом невесть куда очевидцев. По легендам...

Легенды же говорили разное. Одна, — что в башне от врагов отбивались совсем не брат с сестрой, а двое мальчишек, и что они последней гранатой взорвали себя, чтобы не попасть в плен... Другая, — что был только один мальчик лет двенадцати. Что он задержал фашистов на несколько часов, а когда кончились у него патроны, кинулся из окна третьего этажа башни — на штыки...

Но в очерке было главное — упоминание о подвиге. И о мальчике.

Нужно было искать... Узнавать, разыскивать, уточнять, подтверждать...

Первое — где точно был совершен подвиг? На какой улице? Близ каких домов? Ведь старинных башен в довоенное время в разных концах города значилось несколько... Если найти место, — можно попытаться искать людей, которые жили в домах поблизости, очевидцев.

Второе — когда? День и час подвига...

И третье, самое главное — кто?

В военных сводках тех дней об обороне Новороссийска говорилось очень скупо...

«...В течение 5 сентября наши войска вели бои с противником северо-западнее и юго-западнее Сталинграда, а также в районах Новороссийска и Моздока. На других фронтах существенных изменений не произошло.

Северо-западнее Новороссийска крупные силы противника после артиллерийского обстрела и бомбежки с воздуха перешли в наступление. У переднего края обороны моряки-бронейщики под командованием тт. Волкова и Шишкова подожгли 5 немецких танков...»

(От Советского информбюро,
из вечернего сообщения
от 5 сентября)

Фашисты уже прошли Волчьих ворота — ущелье между гор, где теперь мчатся пассажирские поезда — к новороссийскому вокзалу, и стремительно, уже с трех сторон охватывали город. Шли танки, самоходки, катились грузовики с пехотой, мчались мотоциклисты...

Наши отходили с боями... Город горел. Командиры и комиссары собирали редевших защитников. Солдаты рядом с матросами рыли поперек улиц окопы.... На брустверах — гра-

наты и флаги с драгоценной водой... Фронт обороны города сужался, оттягиваясь к предгорьям, где уже начиналась осень, где падал на землю перезревший кизил и созревали в обилии дикие груши... Никто не рвал и не собирал их теперь...

В тылу, в городах, деревнях, поселках к вечеру люди молча грудились у репродукторов и слушали голос диктора:

«...В течение 7 сентября... в районе Новороссийска наши части вели упорные бои против численно превосходящих сил противника. Ценой больших потерь врагу удалось вклинуться в боевые порядки наших войск...»

Фашисты считали, что город ими захвачен. В Берлине, столице гитлеровской Германии, отзвучали фанфары, вещавшие очередную победу. Транспортный самолет вез ящик железных наградных крестов — особо отличившимся при взятии Новороссийска...

Для фашистов этот город был порт и важный железнодорожный узел. Это была дорога к Кавказу со стороны моря и побережья, дорога к бакинской нефти...

Но Новороссийск еще не был взят. В донесении командира фашистской дивизии в те дни отмечались большие потери.

Солдат той же дивизии Карл Шульфе писал родным: «У нас здесь не весьма хорошо. Очень много грязи. Скоро зима, она протянется и будет печальной. Пережитое в прошлой зиме мне придется пережить еще раз...»

Под Новороссийском Шульфе был убит.

И если ты, мой юный читатель, побываешь в Новороссийске, то обязательно тебе покажут железный остов товарного вагона, который сейчас закреплен на пьедестале как памятник. Потому что это и есть памятник. Здесь, на окраине города были остановлены фашисты. Дальше они не прошли...

Остов вагона пробит пулями и осколками. Железо пробило железо. Сталь поддавалась стали. И только люди сражались здесь, и врагу казалось, что они были бессмертны...

ПЕРВЫЕ СВИДЕТЕЛИ

«...Оборона в тот день была по улице Клары Цеткин. 7 сентября фашисты вошли в наш район. По улице Свободы укрепились моряки. Сильно оборонялись у здания школы № 21. 14 сентября фашисты дошли только до Рыбзавода. Моряки сражались за каждую улицу. Надолго их остановили пулеметы, стрелявшие из башни на Октябрьской площади...»

(Из воспоминаний жительницы Новороссийска Молчановой О. А.)

Итак, башня. Старинная башня на Октябрьской площади.

После войны от башни остались полусожженные стены. В шестидесятых годах башни

Окончание следует

уже не было — снесли. Название площади осталось прежнее.

Если смотреть с того места, где стояла башня, то хорошо видна улица Рубина и Радецкий переулок.

В домах по улице Рубина и по переулку ребята и начали разыскивать тех, кто вернулся, кто мог помнить события сентября 1942 года... И кто мог назвать имя героя...

Как-то на встрече ребят с моряками-ветеранами один матрос, чью форменку звенящей броней покрывали медали, припомнил, что на улице Рубина сражался его дружок, тоже моряк. Разыскали. Тот сам ничего сообщить не мог, но дал ребятам адрес своего командира, что жил после войны в Одессе. Ответ пришел быстро:

«Дорогие ребята!

Товарищи следопыты г. Новороссийска!

Всей душой рад помочь вам в ваших благородных поисках героев. Но больше того, что помню, я ничем не могу вам помочь...

Да, на улице Рубина помещался штаб 14-го батальона морской пехоты. Командир этого батальона Красников Дмитрий Васильевич, комиссар — Пономарев.

Я был у них в штабе числа 6—7 сентября 1942 года. Там мы вели разговор о создании пулеметной точки на этой башне (на Октябрьской площади).

Я, Красников, Пономарев ходили в эту башню, и там была создана пулеметная точка.

Потом, из политдонесения, я узнал, что эта точка сослужила большую пользу и ее защитники проявили героизм. Кто они, эти герои, я уже забыл за давностью лет, а политдонесение сдал в политотдел Новороссийского оборонительного района, который тогда помещался на девятом километре по дороге в Кабардинку.

1.10.66 г.

Корнилов Я. Л.»

К сожалению, политдонесение ребятам разыскать не удалось...

«...В башне-то погиб мальчик... У нас это все знали. Он с матерью и еще с другими детьми в башне и жил. Мать я знала. Ее звали Марией. Где сейчас и жива ли? — этого я не знаю... Из других людей, кто в войну здесь был, сейчас никого не знаю... Но вроде в башне еще люди жили, и семейные... Кто? Не помню... Давно ведь...»

(Запись на магнитофонной ленте разговора с пожилой женщиной на улице Рубина)

Но эта женщина назвала имя матери мальчика — Мария. Мать звали Марией, семья жила до войны в этой самой башне...

Может быть, сохранились городские архивы? Домовые книги?

Правда, город сильно горел, дома большей частью были разрушены.

Но нужно было попытаться...

ВЕСНА МИРА

Навстречу
XI Всемирному фестивалю
молодежи и студентов

«Крепкая дружба с пионерами-ленинцами и с пионерами других социалистических стран, солидарность с детьми, чьи отцы и матери еще борются за свободу, — это всегда было и будет кровным делом каждого пионера-тельманца!» — вот что сказала пионерка Бианка Штольц на детском семинаре, который проходил под девизом: «За счастливое детство на мирной земле — салют, Великий Октябрь!»

В этом семинаре приняли участие 400 детей более чем из 40 стран. «Мы живем в страхе, что наши родители могут лишиться работы, — сказал сын рабочего из ФРГ Кристиан Кох. — Детям, родители которых борются за права молодого поколения, в школе и повсюду твердят, что их родители поступают плохо. «Запрет на профессии» коснулся и их детей. За юными пионерами в школе шпионят и сообщают в соответствующие государственные учреждения».

Состраданием и гневом наполнились сердца ребят, когда с места поднялся щуплый двенадцатилетний мальчик Ширин Тах и, глядя на своих ровесников большими печальными глазами, тихо проговорил: «Мы, палестинские дети, вынуждены жить со своими родителями в лагерях для беженцев, потому что израильские захватчики отобрали нашу землю.

Они и теперь продолжают бомбить наши лагеря. Нам очень, очень трудно. Мы хотели бы учиться, как вы, но вместо авторучек вынуждены браться за оружие».

Дети — это весна мира. Они тянутся к солнцу, они имеют право на счастье, но, к сожалению, право это не всем дается при рождении. «Дети еще становятся жертвами войны, эксплуатации и угнетения. Тысячи детей еще умирают от голода, миллионы детей не имеют возможности учиться в школе. Мы требуем положить конец преступлениям империализма против детей!» — такими словами закончили свое послание участники этого семинара в адрес президиума Международной детской комиссии при Всемирной федерации демократической молодежи.

Искреннее желание оказать помощь своим сверстникам привело к тому, что пионеры ГДР собрали 1,2 миллиона марок в Фонд Солидарности. Для этого они сдавали макулатуру, работали на предприятиях, изготавливали сувениры, которые затем продавались в специальных киосках.

В республике работают 5132 клуба интернациональной дружбы, более 2000 из них поддерживают самые тесные связи с пионерами Советского Союза, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Вьетнама.

С октября 1977 года в Берлине открыт Центр Солидарности.

Уже многие годы пионерская организация имени Эрнста Тельмана входит в Международный комитет детских и юношеских организаций при Всемирной федерации демократической молодежи. На живописных берегах озера Вербелинзее пионеры ГДР основали свою пионерскую республику имени Эрнста Тельмана, в которой уже провели летние каникулы более 12 тысяч ребят из самых разных стран мира.

Вот так самоотверженно юные граждане ГДР исполняют свой интернациональный долг. Они знают — люди всей земли должны жить в мире, но, чтобы это произошло, каждый человек что-то должен сделать полезное и нужное. И они делают вместе с другими ребятами социалистических стран то, что им под силу, — они протягивают руку дружбы и помощи всем ребятам планеты, и это не может пройти бесследно: как из маленьких и чистых родников образуются многоводные реки, так горячие и открытые сердца детей способны образовать невидимый, но всеми осязаемый поток доверия, перед которым бессильны империалисты.

Геннадий ЧЕРКАШИН
Фото Г. Полукеева

СТАРОЖИЛУ—ВОСЕМЬ ЛЕТ

В. ЧЕТКАРЕВ

Диму Чернышева из сибирского города Нижневартовска я спросил: «Кем ты хочешь быть?» Он ответил: «Ветераном!» И объяснил почему. «Когда собираются ветераны, — сказал Дима, — им бывает весело, они поют свои песни, они такие крепкие и дружные и говорят о вещах, которые они делают и про которые теперь знает весь мир».

«Говорят о вещах»... А это —

целые леса буровых вышек, железные дороги, дальние трубопроводы. И еще города. Например, такие большие и красивые, как Нижневартовск, где со дня своего рождения живет старожил города — восьмилетний Дима.

А ветераны — это Димина мама, учительница, и папа, строитель дорог. Хотя, честно говоря, какие они ветераны — его папа и мама? Они же еще комсомольцы!

МОРОЗ ПОД НОГАМИ

Диминого папу — инженера Геннадия Чернышева я застал за странным занятием: с бригадой рабочих он срезал на болоте осоку.

— Будем чинить дорогу, — сказал мне Геннадий.

Дорогу? Мягким мхом да хорошо взбитым сеном?

Да, не нужно асфальта, пе-

ска и щебня для сооружения временных автотрасс на болоте. А ведь на обширных болотах лежит вся Западная Сибирь.

Совсем неслышно, утопая в сене по «пояс», бегут к буровым вышкам гусеничные вездеходы и тяжелые машины с буровыми станциями. Не будь движения, в душистой колее можно было бы сладко выпастись. Правда, спать я советовал бы в теплом тулупе. Не смейтесь: под периной даже жарким летом лежит крепкий лед.

— Вечная мерзлота? — спрашиваю Чернышева.

— Нет, — отвечает, — дорога создана искусственно. Как мороженое, — улыбнулся инженер Чернышев.

Зима... В Сибири стужа известно какая! Но не страшно болоту — завалило его теплым пушистым снегом. И тогда люди пошли на хитрость: по отмеченным на карте трассам пустили снегоочистители. В общем, строители своего добились. К весне оголенная трясина промерзла насквозь. Теперь появилась другая трудность: как сохранить лед на солнце-пеке. Оказывается, очень просто — на лето нужно укрыть его травяным одеялом!

Двести километров — такой была первая ледяная дорога. А называли ее Дорогой жизни — точно так, как знаменитую трассу по льду Ладожского озера к блокированному Ленинграду. Вот, выходит, какое значение придавали добычки нефти и газа своей постоянной связи с Большой землей.

Я ездил по той магистрали. Необычного ничего не заметил. Одно удивляло: встречные машины обдавали меня не клубами дыма, а ароматами свежескошенных трав.

ШИРЕ ШАГ, ПЛАНЕТОХОД!

Саша Казанцев, тюменский мальчишка, мечтал о своем луноходе. Или, если хотите, о марсоходе. Словом, о машине, которая быстро и плавно понесла бы его по бездорожью

иных планет. Саша окончил школу, потом институт. А мечта?

— Сбылась, — говорит комсомолец Александр Казанцев и приглашает прокатиться на построенном им диковинном шагоходе.

Размерами эта машина с два школьных класса. Колеса? Есть четыре колеса от трактора «Кировец». Винты? Есть и они — для преодоления преград. Но не это тут главное. Ведь механизм-то — шагающий!

Добавлю: шагающий по трясинам.

Об устройствах, похожих на пауков и кузнечиков, еще в прошлом веке рассказывали фантасты. Машины прыгали, ступали, карабкались. Даже перешагивали реки, переходили моря вброд. Никто и не подозревал, что только болото с его зыбкой поверхностью было бы для этих роботов гибельно.

«А вдруг и другие планеты, куда наведаются земляне, не лучше? — задумался еще в школе Саша Казанцев. — Ведь тогда приостановится освоение космоса...»

Знаете: есть такой корабль с тремя корпусами — тримаран. Непривычную форму тримарана современные конструкторы позаимствовали у рыбаков-полинезийцев. Корабль — как плот: ему не перевернуться. Любопытно, что и у Александра Казанцева — тримаран. Почему? Ведь на болоте штормов не бывает?

...Александр нажал кнопку на пульте, и колеса ушли в корпус шагохода. Теперь он всей тяжестью лег на брюхо, намереваясь атаковать простиравшееся перед ним болото.

Конструктор дернул за рычаги. Два корпуса тримарана, лежавшие по обе стороны от капитанского мостика, вдруг плавно поползли вверх и вперед. Ступив на край болота, «ноги» замерли. Теперь, опираясь на них, тем же манером вперед шагнул главный корпус корабля. И снова двинулись вверх-вперед-вниз две маленькие боковые стопы.

А потом, вознеся нас на целый метр над болотом, опять свой шаг совершила средняя стопа.

Бух, бух — гремел наш корабль, переступая своими ногами-понтами по болоту. Было обидно, что лягушки на кочках — единственные свидетели этого интересного зрелища.

— Александр! — обращаюсь к капитану и конструктору шагохода. — А как же космос? Путешествия на планеты?

— Пока, — ответил Казанцев, — нашему богатырю есть что делать и на нефтепромыслах. Грузи на машину хоть подъемный кран, хоть буровую вышку — она знай себе шагает. Сейчас мы делаем еще одну машину. Кто мы? Я и главный генератор идей Виктор Павлович Харлов — слесарь, прекрасный изобретатель.

ПЯТЕРО С РЕКИ ЛАНГАПАС

— Вертолет еще утром должен был привезти на буровую рабочих, а нас захватить в Surgut. Ведь наша вахта кончилась, и впереди было четыре дня отдыха. Но ночью вдруг налетел ураган. Наша вышка качалась, как мачта попавшего в шторм корабля. А прислоненные к ней связки труб, которые нам предстояло опустить под землю вслед за турбобуром, звенели, как натянутые вихрем паруса. Семь дней свирепствовала непогода. Семь дней не прилетал вертолет. И мы бурили еще семь суток. Бурили без всякого перерыва...

Вспоминая тот случай, двадцатилетний Веня Алексеев тяжело вздыхает. Вздыхает не потому, что было трудно. Вздыхает оттого, что потерял в те злосчастные дни трех лучших друзей. Дружил с ними всю жизнь — с первого класса. А раздружился — считай, что в один миг.

В Сибирь они приехали впятером, сразу по окончании десятого класса. Ехали из Чувашии, из Чебоксар, весело —

с гитарой, с песнями. В Сургуте прямо с вокзала явились в управление, которое ведаёт буровыми работами, представились:

— Вениамин. Петр. Владимир. Анатолий. Аркадий.

Позднее, после учебы на курсах, так впятером и оказались на одной буровой. Самой дальней, куда отправляют грузы и людей вертолетом. Среди бескрайних болот сушу для буровых установок намыл земснаряд. В общем, просились веселые парни туда, где труднее. Тем более, давно сговорились: «Станем работать вместе. Установим рекорд. Прогремим!»

...Хуже всего, что не было хлеба. Рыбу Петр Иванов, командированный товарищами на тихую речку Лангапас, наловчился ловить с помощью обычной булавки. Повариха была довольна и всячески пыталась разнообразить меню: «рыба отварная», «рыба жареная», «рыба печеная». Делала даже рыбные котлеты. Но не было хлеба!

Работу буровой установки нельзя приостановить ни на час, ни на минуту. Иначе вся километровая колонна труб схватится — никакой силой тогда ее не извлечешь из скважины. Бури заново! А ребят донимал холод. Первым струсил Владимир:

— Жизнь дороже!

И ушел с вышки — греться.

— Венька, три нос быстрой — побелел! — крикнул Петр.

Веня выскочил на снег. А когда вернулся, на рабочих местах не было ни Аркадия, ни Анатолия...

А вечером — новая беда: вспыхнуло помещение котельной. И помощи ждать неоткуда, надо тушить самим. Иначе

в вагончиках-балках совсем замерзнешь.

К месту пожара сбежалось все население буровой: и геолог, и водитель вездехода, и повариха. Были и Веня с Петром. Разомлев от домашнего тепла, отказались подняться с постелей только их друзья. Бывшие друзья — так решил для себя Веня, возвратившись после пожара. Нет, не домой, а на вахту...

Когда вся «великолепная пятерка» в Сургуте после вертолета расходилась по домам, Петр и Веня не протянули остальным руку. «Обожглись на пожаре», — объяснили они. Впрочем, это рукопожатие было бы все равно последним. Анатолий, Аркадий и Владимир в тот же день взяли билеты на самолет.

Ну, а Петр и Веня — удалось ли им «прогреться»? Я спросил об этом бурильщиков. Они обиделись. «Гремит только пустая цистерна», — произнес Веня. А Петр добавил: «Наша смена — лучшая в комсомольско-молодежной бригаде Виктора Щавы. А Щава, это каждому известно, обогнал в Сибири всех асов нефтяного бурения».

Наш разговор шел у только что пробуренной Веней, Петром и их новыми помощниками скважины. Веня заговорщицки подмигнул мне и подвел к торчащей из земли раскрытой трубе, которая своим нижним концом была погружена в насыщенный нефтью пласт.

— Хотите послушать, как дышит земля? — спросил меня Вениамин и приложил к трубе ухо.

Я прислушался. Сибирская земля спокойно и ровно дышала.

ВОРОНЫ

Виталий КОРЖИКОВ

РАССКАЗ

Однажды летом по пути во Владивосток мы зашли в маленький индийский порт.

Все вокруг чайного цвета: руки, лица людей, стволы пальм, кокосовые орехи! На воде — птицы, как распаренные чайные хлопья. И жара. По лицу пот.

Солнце!

Наш боцман вышел на палубу, поднял руку, щелкнул пальцами:

— А ну, братва, проверить трюмы, подмести палубы.

Есть подмести!

Бросилась команда, кто со шваброй, кто с метлой. И я взял веник и пошел между трюмами, выметать щепу от досок.

Солнце по спине — как паяльной лампой. Зной! А работать надо: чайные ящики на причале рядком выстроились, ждут...

Вдруг с пакгауза сорвалась какая-то черная тень.

Ворона! Уселась на мачту, посмотрела на меня и как каркнет:

— Кар-р! Кар-р!

За первой вороной — вторая. С костью в клюве. И тоже:

— Кар-р! Кар-р!

Выронила кость, чуть мне не по голове!

«Ах вы, думаю, черные! Ругаетесь да еще кости швыряете?!»

Схватил я кусок щепы, размахнулся, но тут ко мне подбежал старик-индеец, замахал руками:

— Нельзя! Они священные, почитаемые!

А вороны взлетели, покружились над причалом и сели верхом на какого-то бродячего козла. Едут, правят, как наездники, и видно, приказывают.

— Ну то-то, — засмеялся, я. — На козле — пожалуйста! А я вам не козел.

Только я за веник, а вороны опять тут как тут! «Кар-р! Кар-р!»

— Ну, — рассердился я. — Погодите!

Но тут зашумели на палубе лебедки, закачались на тросах ящики с чаем, и вороны исчезли, делись куда-то.

Загрузили мы трюмы доверху, поставили на них несколько автомобилей. Только вышли в море, как навстречу нам шторм. Заулюлюкал, засвистел ветер. Волны — шарах слева! Будто бревном о борт! Шарах справа! Будто ядром в палубу!

Побежали мы крепить машины тросами, цепями. Взмokли и вымокли. Тут-то я и вспомнил ворон. «Вот бы, — думаю, — вас сюда. Вы здесь бы покаркали!»

Утихло море, засинел край неба, а скоро всплыл, выкатился навстречу и следующий порт. Зеленый, банановый.

Сняли мы машины, стали открывать трюмы, а оттуда вдруг — две вороны, мокрые, лохматые! Как подвальные кошки!

— Это что еще такое? — изумился боцман.

И я ахнул: как только они туда забрались?

— Что ж, — говорю, — не каркаете?

А они только клювы открывают. Укачались!

— Эх вы, — говорю. — Подождите!

Сбежал я быстро к повару, принес хлеба, накрошил мяса, плеснул в чашку воды, клюнули они раз, другой. Потом встряхнулись, замахали крыльями — и скорей к берегу! Летят, качаются с боку на бок, будто о воздух спотыкаются. А я смеюсь:

— Что, — говорю, — попробовали? То-то! Будете знать, как на матроса каркать. Будете помнить, какая она, матросская работа!

Рисунок А. Орлова

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 22-й

ЦЕННЫЙ ЭКСПОНАТ

В декабре 1907 года Владимир Ильич Ленин пробирался из России за границу, в эмиграцию. За ним по пятам шли шпики... С проводниками ночью Владимир Ильич сошел на лед залива и ускользнул от царской охраны. Потом он сел на пароход, который направлялся в Швецию...

Многое известно ученым-биографам Владимира Ильича: где именно он пробирался по льду, в какой день. И даже какая была погода — сильная оттепель, отчего лед был некрепким и Ильич чуть не погиб. Но вот каким был пароход?

Узнать это решили краеведы Ленинградского Дворца пионеров имени Жданова. В Ленинграде ничего обнаружить не удалось. Написали финским пионерам. Те начали искать... В газетах финской столицы

**Вожатые
финских
пионеров
передают
ленинградским
ребятам
фотографии
парохода „Боре“**

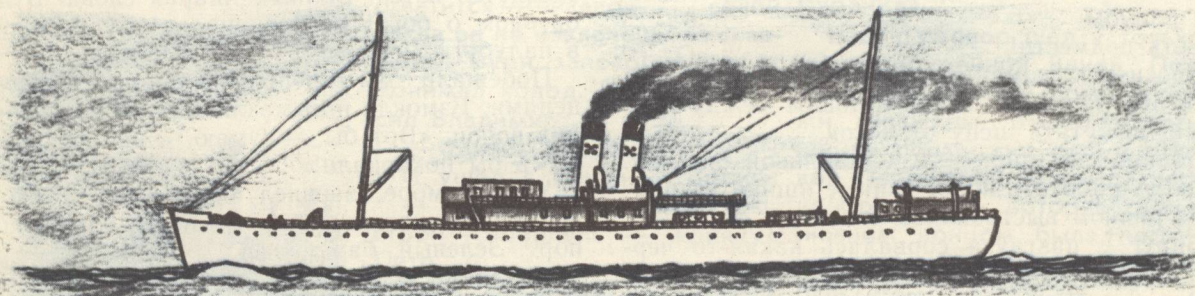
появились объявления: «Разыскиваем людей, которые были знакомы с В. И. Лениным во время его пребывания в Финляндии. Просим связаться... Телефон... Адрес...»

Через год ленинградские ребята держали в руках фотографии парохода «Борé». Их нашли в архивах финской пароходной компании. На старинных снимках были даже помещения пассажирских кают... Фотографии направили в судомодельную

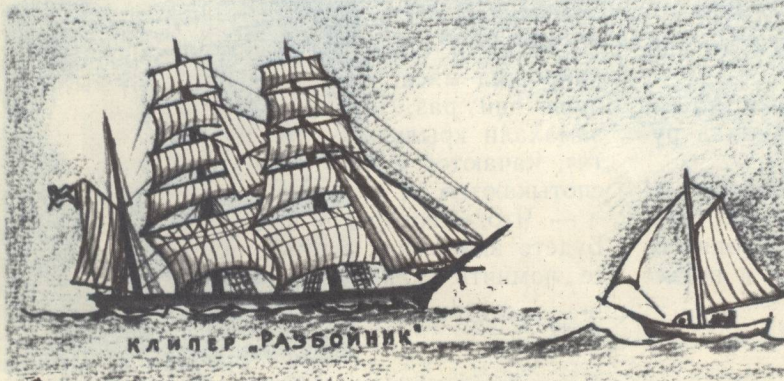
лабораторию Дворца. Под лупой юные моделисты рассматривали фотографии: где поручни, где иллюминаторы, где шлюпки... Готовую модель пионеры подарили Ленинградскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина...

Тысячи экскурсантов рассматривают теперь ценный экспонат. А на табличке рядом с моделью — ее краткая история...

Г. УСЫКИН

ОТВЕТ НА ЗАГАДОЧНЫЕ РИСУНКИ (См. «Костер» № 3)

КЛИПЕР „РАЗБОЙНИК“

1. Галеот «Секрет» из повести «Алые паруса» Александра Грина. 2. Клипер «Разбойник» из рассказов Константина Станюковича. 3. Шхуна-бриг «Пилигрим» из романа Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан». 4. Шхуна «Призрак» из романа Джека Лондона «Морской волк». 5. Яхта «Беда» из повести Андрея Некрасова «Приключения капитана Врунгеля».

ЯХТА „БЕДА“

Читатели спрашивают в письмах: «Какие книги читать о юнгах?»

В Москве, в издательстве ДОСААФ вышла книга — «Юнги северного флота». Написал ее Виталий Григорьевич Гузанов, в прошлом — юнга. Книга о тех моряках, кому было четырнадцать-пятнадцать лет, но которые сражались на кораблях рядом со взрослыми...

Юнга Саша Ковалев... Многие пионерские дружины носят его имя, по морям ходит теплоход «Саша Ковалев». А о том, каким Саша был, как воевал, как погиб, рассказывает Виталий Гузанов.

Юнга Валя Пикуль... Ныне — писатель Валентин Саввич Пикуль, автор многих хороших морских книг. О нем — глава в книге.

Юнга Боря Штоколов... Тот самый Штоколов, чье имя теперь на афишах Москвы и Парижа, Рима и Нью-Йорка... А как он юнгой служил на крейсере «Киров», вы опять-таки узнаете, прочитав книгу «Юнги северного флота»...

С. ЮРЬЕВ

Павел Петрович

Быть судовым врачом нелегко.

На суше в больнице во время операции второй хирург помогает, медсестра инструменты подает, тут же вторая сестра за больным наблюдает: пульс, давление крови...

А на судне врач — он один. Это — во-первых.

Во-вторых, он должен быть универсалом: все знать, все уметь. И диагноз поставить, и за терапевта, и за хирурга, и за стоматолога — если зубы лечить... В третьих, на море это вам не на твердой земле...

Вот что мне однажды судовой врач Павел Петрович Слесаренко рассказал:

«Незадолго до Нового года шли мы из Гонконга в Ошен. Ошен — это остров и порт в Тихом океане. Рейс дальний, переход — дней десять. Идем. И вдруг заболела Маша, наш шеф-повар. Вдвое человека согнуло от боли. Она ко мне. Осмотрел, ставлю диагноз: аппендицит. Нужно срочно оперировать... А погода, как назло — шторм, волна восемь баллов. Теплоход швыряет — люди за стены держатся!

Что делать? Без операции человек может погибнуть... И до ближайшего порта еще далеко... Я к капитану: «Николай Владимирович, если можно, измените курс, чтобы с носа волна шла, может, меньше качать будет... Мне бы часок спокойнее...»

«Есть, — говорит капитан, — попробуем...»

В ассистенты я взял нашего штурмана, человека с крепкими нервами, чтобы при виде крови в обморок не упал... Труднее, чем на фронте было, скажу я вам. Волна раз ударила — весь новокаин для обезболивающих уколов разлился. Хорошо, что операция шла к концу...

В Ошене через несколько дней Маша уже могла приготовить экипажу вкусный новогодний ужин...»

— Очень, — говорю, — интересно, Павел Петрович, только почему вы про фронт вспомнили?

Оказалось, Павел Петрович — гвардии подполковник! Совсем молодым хирургом начал войну в танковых частях. Части были особые — «Танковый корпус прорыва». Где нашим приходилось трудно разбивать оборону фашистов, шли танки корпуса. Закончил Павел Петрович войну в Кенигсберге. Родина наградила его многими орденами и медалями... А морскую форму он надел после войны...

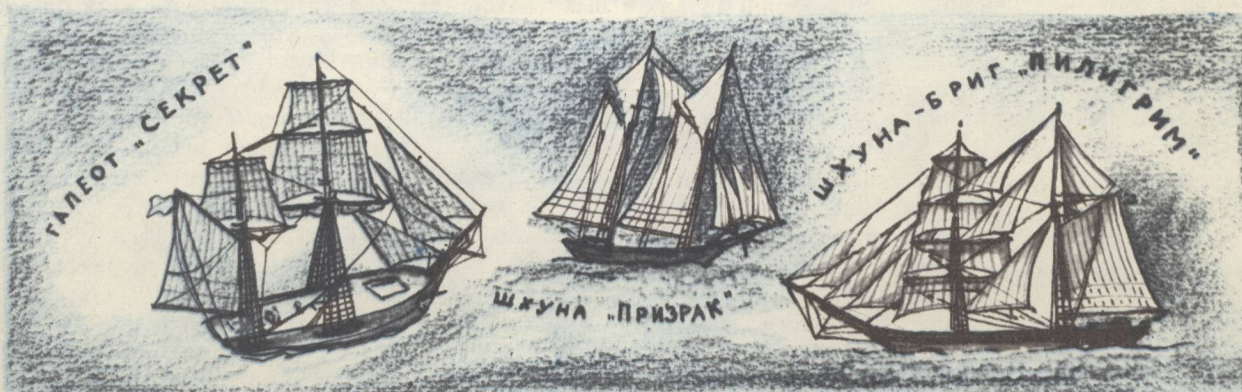
Олег ОРЛОВ

Мы создали КЮМ у нас в классе. Нас пока восемь человек. Клуб назвали «Гремящий», в честь гвардейского эсминца. Делаем модель «Гремящего» и собираем материалы о нем и его экипаже.

В КЮМе мы начали изучать типы кораблей и судов, военно-морское дело, устройство шлюпки, такелажные работы.

Капитан клуба Саша Глебов, Горно-Алтайск, Алтайский край

ЗАГОВОР БЕНЕВСКОГО

Е. НЕВЯКИН

Рисунки А. Аземши

Несколько лет тому назад мне довелось работать в Польской Народной Республике.

Однажды я выступал в Рыбнике — городе польских шахтеров — в школе. И вдруг кто-то из ребят попросил: «Расскажите, пожалуйста, о Камчатке». Я подумал: «Странно. Почему их заинтересовала Камчатка?» И тут ребята хором закричали: «Ведь первым на Ключевскую сопку там поднимался наш Беневский!» — «Какой Беневский?» — спросил я. «Наш Беневский, которого царское правительство сослало на Камчатку. Он оттуда сбежал вместе со своими русскими товарищами». К стыду своему, я очень мало знал о Беневском.

Несколько месяцев спустя я по своим служебным делам оказался в Будапеште. И здесь, разговаривая со своим венгерским знакомым, я услышал: «Знаете ли вы, что первым карту Курильских и Алеутских островов нарисовал венгр Беневский?»

Что же это за человек: поляк, венгр? Картограф, путешественник? О Беневском написаны сотни книг в Польше, Венгрии, Англии, Швеции, Германии, Австрии, США и других странах. Написанные им мемуары только в начале XIX века были изданы двадцать раз на семи языках. Итальянский композитор Генералли в 1831 году создал оперу «Беневский». И в то же время многие исследователи, занимавшиеся изучением мемуаров Беневского, называют его новым бароном Мюнхгаузеном, обвиняя графа в том, что в своих воспоминаниях он допускает много вымысла, а иногда просто лжет. Кем же на самом деле был этот человек?

Мауриций Август Беневский родился в 1746 году в деревне Вербовой в Словакии в семье бедного кавалерийского полковника, венгра по национальности, служившего в австрийской армии.

Мауриций получил воспитание в Вене, в 14 лет поступил в австрийскую армию, участвовал в Семилетней войне, сражался в битвах с войсками прусского короля Фридриха II. Затем наш герой оказывается в Польше, где у него жили дальние родственники. В дальнейшем Беневский называет себя поляком.

Здесь нужно сказать несколько слов о том времени, когда Беневский приехал в Польшу. Речь Посполитая, как тогда называли Польшу, клонилась к упадку. Ослабленная внутренними распрями магнатов и шляхты*, Польша стала легкой добычей соседних с ней государств — России, Пруссии, Австрии.

*Шляхта — дворянство (польск)

Мауриций вступает в ряды конфедератов, где командует небольшим отрядом, но заболевает и останавливается в маленькой деревеньке Списка Субота в Татрах. Там он знакомится с Сусанной, дочерью, как пишет в своих мемуарах, «благородного джентльмена», который на самом деле был простым ремесленником, и женится на ней. Но скоро Мауриция снова призывают в ряды конфедератов. Боясь, что молодая жена его задержит, он тайно бежит из дома и едет в Краков, который в это время окружили войска графа Панина. Отряд, в котором сражался Беневский, был разбит русскими войсками, а его самого берут в плен. Однако скоро Беневского выпускают, и он с одним из отрядов конфедератов уходит в Турцию. Через некоторое время конфедераты снова возвращаются в Польшу, опять стычка с царскими войсками, и раненый Мауриций вторично попадает в плен. На этот раз генерал Прозоровский посылает Беневского вместе с другим пленным конфедератом шведом Адольфом Винбланом сначала в Киев, а затем на жительство в Казань. Неугомонный Мауриций и в Казани участвует в каком-то заговоре. Его хотят арестовать, вечером на квартиру, где он живет, приходит офицер с солдатом. Мауриций сам открывает дверь, офицер, приняв его за слугу, спрашивает: «Где Беневский?» Мауриций не долго думая отвечает: «Он дома, только что свет погасил». Офицер выхватил у него свечу и ринулся в дом, а Беневский, как был в халате и домашних туфлях, выскочил на улицу и побежал к Винблану. А поскольку в заговоре был замешан и Винблан, друзья быстро переодеваются, нанимают лошадей и уезжают из Казани. Они решают добраться до Петербурга, сесть на какой-нибудь иностранный корабль и — подальше от России! По дороге Беневский и Винблан выдают себя за офицеров, везущих важные бумаги к царскому двору. Их везде принимают как желанных гостей, а губернатор Нижнего Новгорода даже дает им рекомендательное письмо к владимирскому губернатору. Как тут не вспомнить гоголевского «Ревизора»! Таким образом беглецы беспрепятственно добираются до Петербурга. Здесь Беневский играет роль богатого коммерсанта, а Винблан — его камердинера. Они долго ищут человека, который помог бы им уехать за границу. И вот такой человек найден. Это немец-аптекарь, он согласен за 500 дукатов найти корабль, идущий в Голландию. Поздно ночью Беневский и Винблан пробираются на берег Невы, там их должна ждать шлюпка с голландского судна. Но

ПЕТЕРБУРГ

Медленно
Катились
Сани
"Государ-
ственных
преступ-
ников"

Путе-
шество
продол-
жалось
не один
Месяц

Той же
ночью
он ока-
зывается в
мрачной камере
Петропавловской кре-
пости

в ссылку

в условленном месте беглецов поджидают солдаты, которые хватают их и ведут к начальнику петербургской полиции Чичерину. Той же ночью друзья оказываются в мрачной камере Петропавловской крепости.

Вскоре Бенеvский и Винблан предстали перед следственной комиссией. За участие в заговоре и за побег из Казани обоих приговорили к ссылке на Камчатку.

Вероятно, Бенеvский действительно взбирался на вершину Ключевской сопки (об этом он пишет в своих мемуарах), и карту он рисовал (это подтверждают люди, бывшие с ним на Камчатке). Но карта эта была неточна. Еще бы, Бенеvский, например, вопреки свидетельствам русских мореходов, в своих мемуарах отрицал существование Берингова пролива: «Неправда, будто какой-то корабль проплыл этим проливом, хотя люди, участвовавшие в этом путешествии, добрались даже до Анадыря... Они продолжали свое путешествие по суше, а не, как они сами утверждают, по морю».

Но до Камчатки еще надо было добраться. В XVIII веке путешествие из Петербурга до этого далекого полуострова, находящегося на другом конце огромной Российской империи, продолжалось не один месяц. Из Петропавловской крепости Бенеvского и Винблана вывезли в ноябре 1769 года. Медленно катились сани. «Государственных преступников» сопровождали казаки. Ехали тем путем, по которому позже, в XIX веке, пройдут сотни тысяч ссыльных революционеров, сначала декабристы, потом народовольцы.

По дороге к Бенеvскому и Винблану присоединили еще троих ссыльных. Это были Василий Панов (бывший поручик гвардии), Ипполит Степанов (бывший армейский капитан) и Асаф Батурин (бывший артиллерийский полковник). В пути товарищи по несчастью очень сдружились и начали поговаривать о побеге. В местечке Исигира Бенеvский встретил земляка-венгра и поделился с ним своими планами. Но венгр сказал ему, что многие уже пытались бежать в Персию, однако по дороге почти все погибли, убитые ногайскими татарами. Бенеvский пишет в своих мемуарах: «Я тогда подумал: „Хорошо, что нас везут на Камчатку — там море, больше возможностей совершить побег“».

В конце мая 1770 года Бенеvского с товарищами привезли в Якутск. Там они познакомились с фельдшером Гоффманом, пообещавшим организовать побег. Окрыленные надеждой, ссыльные двинулись дальше. Но в пути их нагнал гонец якутского губернатора, который вез секретное письмо губернатору Охотска. Пошел сильный дождь, пришлось спрятаться от ливня. Воспользовавшись случаем, Бенеvский предложил казакам из конвоя и гонцу якутского губернатора отдохнуть. Когда они уснули, Мауриций и его друзья взяли из сумки гонца письмо. В нем говорилось, что фельдшер Гоффман умер и что перед смертью он расска-

зал о планах побега своему слуге. Тот донес об этом губернатору. В письме якутский губернатор советовал не отправлять ссыльных на Камчатку, а задержать в Охотске. Посоветовавшись, друзья написали другое письмо, в котором говорилось, что они люди примерные и спокойные, потом запечатали его в конверт и положили в сумку гонца.

В Охотске «государственных преступников» посадили на корабль, который отправлялся на Камчатку. Друзья подумывали о том, чтобы захватить корабль в море, но начался сильный шторм, и тут уж было не до побега. Во время шторма Бенеvский проявляет себя как мужественный и опытный мореход. Когда свалилась грот-мачта, он принял командование кораблем и благополучно довел корабль до Камчатки. 12 сентября 1770 года, почти через год после выезда из Петербурга, Бенеvский и его товарищи приплыли в тогдашнюю столицу Камчатки город Большерецк. После тяжелой зимы 1769—1770 годов на Камчатке свирепствовал голод. Коренные жители-камчадалы ели кожаные сумы, ездовых собак и даже трупы умерших. Насколько заброшенным и глухим краем была в то время Камчатка, говорит такой факт. В то время на Камчатке было всего десять школ. В них обучали детей грамоте и церковному пению грамотные камчадалы. И хотя по указу сената всем ученикам следовало выдавать казенное довольствие из камчатских доходов, но управители Камчатки все это довольствие забирали себе. Школы постепенно приходили в упадок, и вскоре их не осталось ни одной.

В 1770 году управителем Камчатки был капитан Григорий Нилоv. Этот вечно пьяный, добродушный человек, как и большинство царских чиновников, брал взятки и мало заботился о развитии подведомственного ему края.

После прибытия Бенеvского и его друзей на Камчатку их выпустили на свободу, дали провианта на три дня. Каждый вновь прибывший получил мушкет, копьe, фунт пороха, четыре фунта свинца, топор, несколько ножей, плотничьи инструменты для постройки дома. Пропитание нужно было добывать самим.

В то время в городе Большерецке жило около тридцати пяти семейств, семьдесят человек гарнизона и четверо ссыльных: Турчанинов, Гурьев, Хрущев и Мейдер. Последние очень гостеприимно встретили товарищей по несчастью. Бенеvский остановился в доме бывшего капитана гвардии Петра Хрущева, с которым они быстро подружились.

Вскоре Бенеvский стал в Большерецке человеком очень популярным. Дело в том, что тогда многие жители Камчатки увлекались игрой в шахматы. А Бенеvский был очень хорошим шахматистом. Никто в Большерецке не мог обыграть барона Бейнака, как называл себя на Камчатке Бенеvский. Необыкновенное умение играть в шахматы чуть не кончилось трагически для Мауриция и его друзей. Как-то раз купец Казаринов, с которым Бенеvский

КАМЧАТКА

12 мая

Беневский с товарищами
к дому бросился
управителя

СВ. ПЕТР

1771 года

Раздался выстрелы
Порох Нули Конь

ножи

мушкеты

Казённое судно →

Камчадал
на охоте

часто сидел за шахматной доской, подарил ему две головы сахара. На голодной Камчатке сахар был редкостью. Мауриций пригласил друзей. Они сели чаевничать, и вдруг почувствовали какое-то непонятное жжение в желудке и головную боль. Беневский заставил гостей выпить сначала китовый жир, а потом оленьё молоко, и только после такой смеси им стало легче.

Оказалось, что сахар отравлен. Казаринов хотел отомстить Беневскому, который постоянно выигрывал у него в шахматы.

Между тем ссыльные уже готовились к побегу. Был составлен план захвата судна, на котором они смогли бы уплыть за границу. Для этого Беневский заранее начертил карту Курильских, Алеутских островов, а также побережья Охотского моря. В заговоре Беневского участвовали все ссыльные, кроме того недовольные своей участью рабочие купца Холодилова во главе со своим приказчиком Алексеем Чулошниковым, капитаны Ипполит Степанов, Василий Панов, штурман Чурин с женой и камчадалы Красильников, Иванов, Поранчин с женой и другие. Из ссыльных один только Гурьев отказался примкнуть к заговорщикам. Беневский с Винбланом пришли к нему. Они пытались уговорить принять участие в побеге. Гурьев отказался. Теперь судьба заговорщиков висела на волоске. Действительно, Гурьев отправился к управителю и сообщил о готовящемся бунте. Надо было опередить Нилова. Захватив с собой ружья и ножи, Беневский с товарищами бросился к дому, где помещалась канцелярия управителя. Сонные караульные даже не оказали сопротивления. Теперь — к дому Нилова.

Но старый армейский капитан проявил неожиданную стойкость и мужество. Он наотрез отказался сдаться. Раздались выстрелы. Беневский выбил дверь и с саблей в руке ворвался в дом управителя. На полу лежал убитый пулей Нилов.

Он стал единственной жертвой бунта. Беневский очень жалел, что погиб этот «безобидный старик». Он приказал торжественно похоронить Нилова, потом посадил в контору канцеляристов Спиридона Судейкина, Ивана Рюмина и трех штурманских учеников и велел им раздавать народу деньги и всевозможные припасы. Затем Беневский распорядился, чтобы готовили плоты и лодку, на которые положили три пушки, мортиру, порох, свинец, ружья, топоры, столярные и слесарные инструменты, ткани, все оказавшееся в наличии железа, всю яшашную казну (меха, доставляемые царскому правительству камчадалами), провиант и вообще полное двухлетнее укомплектование судна.

На плотях бунтовщики спустились по реке Быстрой на Чекавку (так тогда называлось место зимовки судов, около устья реки Большой, где стояли две избы и амбар для хранения товаров, которые доставлялись из Охотска).

Беневский сначала предполагал уйти на нескольких малых судах вдоль Курильской гряды, но когда к заговорщикам присоединилась команда судна купца Холодилова, возмущенная притеснениями своего хозяина, он решил воспользоваться казенным судном «Св. Петр», которое стояло в гавани. Галеот стоял еще во льду, поэтому Беневский приказал лед обколоть. 2 мая 1771 года «Св. Петр» вышел из гавани. Беневский поднял на «Св. Петре» флаг и заставил всех принять присягу в том, что они будут защищать этот флаг, а сам поклялся всегда и везде заботиться о подчиненных. Потом бунтовщики составили письмо в Российский сенат, в котором они говорили о том, что заставило их поднять мятеж. Они гневно осуждали произвол царских чиновников, угнетающих народ. Письмо было послано с боцманом Сергоровым в Большерецк для отсылки по назначению. Позже, во время расследования обстоятельств бунта в Большерецке, полковник Зубрицкий, который допрашивал очевидцев бунта, писал в Иркутскую канцелярию: «Перед выходом же своим в море бунтовщики говорили между собой о бедственном положении жителей полуострова, переносящих только обиды от своих командиров, не имея никакого понятия о свободе».

На Чекавке Беневский составил полную опись казенного имущества, которое мятежники брали с собой, и подписался: «Барон Мориц Анадаре де Бенев, пресветлейший республики Польской действительный резидент и ея императорского величества Римского камергер, военный советник и региментарь*». Наш герой не был ни резидентом, ни камергером — увы — он очень любил изображать из себя значительного человека. Позже, в Макао, он называл себя полковником на венгерской службе, а губернатору острова Иль-де-Франс говорил, что он генерал императорской армии и войск конфедератов. Да, Беневский любил прихвастнуть...

12 мая 1771 года «Св. Петр» с командой, состоящей из 70 человек, включая и семь женщин, вышел в море. Через несколько дней с корабля увидели большой остров. Беневский послал крестьянина Кузнецова, который у него был адъютантом, проверить, есть ли кто на острове, но тот никого не нашел, а привез только маленькую собачку «курильской породы». Команда сошла на берег, стали печь хлеб, сушить сухари.

Матрос Андреянов сообщил Беневскому, что штурманские ученики Измайлов и Зябликов, камчадал Поранчин и десять человек из команды составили заговор, чтобы в то время, когда все будут на берегу, обрубить канаты и уйти обратно на Камчатку. Беневский, разгневавшись, хотел заговорщиков повесить, но потом смягчился, приказал выдрать «злодеев» кош-

*Региментарь — заместитель гетмана

ками*, а Измайлова и Поранчина с женой велел оставить на острове, дав им немного хлеба. Оставленные на острове Измайлов, Поранчин и его жена остались в живых, они питались ракушками, морской капустой и кореньями, пока их не нашли русские промышленники.

«Св. Петр» поднял паруса и снова оказался в бескрайнем море. Вот что писал один из спутников Беневского канцелярист Рюмин, который вел дневник во время путешествия: «Пятнадцатого числа июня видели в море разных родов морских рыб в бесчисленном множестве, из коих некоторые целыми стадами летали поверх воды, имея у себя крылья».

Было жарко, и путешественники, непривычные к такой температуре, страдали от зноя и от недостатка воды. К тому же со 2 июля пять дней подряд бушевал жестокий шторм. Люди отчаялись уже остаться в живых, но 7 июля увидели большой остров со многими огнями. И хотя местные жители махали руками, давая знать, чтобы чужеземцы на остров не выходили, Беневский приказал спустить шлюпку, на которой к берегу поплыли Винблан и Степанов с матросами. Их гостеприимно встретили японцы — это был один из японских островов, — показали удобную для стоянки бухту, но на берег сойти не разрешили, а сами привезли на корабль воду и рис и поставили караул на двух лодках с зажженными бумажными фонариками. Беневский назвал свой корабль голландским, так как знал, что всем иностранцам, кроме голландцев, въезд в Японию запрещен — японцы торговали только с голландскими купцами. На корабле японцев одарили соболями, а те за это привезли воду, рис и мешок соли.

12 июля русские мореплаватели подняли якорь, увидев это, японские солдаты из караула ухватились за якорный канат, не желая отпускать корабль. Заподозрив неладное, Беневский приказал выпалить из пушек. Караульные со страха попадали в лодки, «Св. Петр» благополучно вышел в море.

19 июля на горизонте показались два острова — один из них очень большой, окруженный горами, второй поменьше. Здесь беглецов радушно приняли местные жители, которых Рюмин назвал «усмайцами». Они привезли рис, «картофелива коренья» и морскую свежую рыбу. Беневский распорядился поставить палатки, начать печь хлеб и сушить сухари. Русские очень подружились с «усмайцами», дарили им подарки, а те своим новым знакомым приносили всевозможные припасы. Местные жители имели письменность, компасы и карты, книги по мореплаванию. Они разводили коров, овец, лошадей, птиц. Между домами бегало много собак. Русские моряки заметили, что на островах было хорошо развито рыболовство.

*Кошки — в старину: ременная плеть с несколькими хвостами

31 июля «Св. Петр» отплыл от гостеприимного острова, провожаемый всем его населением.

9 августа мореплаватели достигли острова Тайвань. Там пришельцев встретили враждебно. Были убиты Василий Панов, Иван Попов и Иван Логинов, троих раненых удалось спасти. В отместку Беневский приказал изрубить лодки местных жителей и открыть огонь из пушек по домам, которые были видны с корабля. Рюмин писал: «Означенные формозские жители народы дикие, видом весьма смуглые, ходят почти все нагие; и хотя у некоторых и есть платье, но и то из кож звериных».

Наконец, 12 сентября 1771 года путешественники прибыли в португальскую колонию Макао. К судну сразу же поставили караул из португальских солдат. Беневский заявил губернатору колонии, что вся его команда — это венгры, возвращающиеся на родину и, чтобы его обман не обнаружился, запретил русским креститься. Здесь в Макао Беневский поссорился с командой. Дело в том, что Беневский без ведома кого-либо из спутников продал губернатору «Св. Петра». Это очень рассердило русских, которые считали, что негоже продавать российское судно португальцам. Возмущившейся команде Беневский вынужден был послать письмо: «Любезные дети! Вы знаете, что я усердно старался всегда для вашего удовольствия и что я до последнего определил вас защищать, а для вашего благополучия все старания приложил, в том вы уверены быть можете».

И действительно, на деньги, вырученные за продажу «Св. Петра», Беневский нанимает два корабля французских и вместе со своей командой, кроме Степанова, который отказался следовать дальше за своим командиром и остался в Макао, 4 января 1772 года отправляется во Францию. Почти пять месяцев беглецы из Камчатки провели в Макао. Здешний климат был губителен для русских, пятнадцать из них умерло от лихорадки. В пути скончались четыре человека, а в порту острова Св. Маврикия пришлось оставить еще четырех больных. И вот, наконец, 7 июля 1772 года беглецы, проплыв почти полмира, прибыли во Францию. Здесь Беневского приняли, как героя. Спутникам Беневского была определена квартира в городе Порт-Луи, пища и деньги — все это за счет королевской казны. Так беглецы с Камчатки жили почти девять месяцев. Еще пять человек умерло в госпитале от привезенной из Макао лихорадки. И хотя люди здесь могли, наконец, отдохнуть после столь долгого и опасного путешествия, многие начали роптать. Тоска по родине, невозможность объясниться с местными жителями, безделье, — все это заставило семнадцать человек (в том числе одну женщину) отправиться в Париж к российскому резиденту Н. К. Хотинскому для того, чтобы послали их обратно в Россию. Денег на проезд до Парижа у них не было, 550 верст пришлось идти пешком. Хотинский беглецов

принял хорошо, определил им квартиру, выдал обувь, провиант и по семь копеек в день на расходы.

А что же происходило после побега Беневского и его товарищей в России?

Известие о бунте на Камчатке до Петербурга дошло довольно скоро. Царское правительство для ведения расследования назначило полковника Зубрицкого. Ему поручили «от всех лиц, живущих в Охотске и на Камчатке, коим известно о бунте, взять подписку о том, что они обязуются дело это держать в величайшем секрете». За поимку каждого бунтовщика, живого или мертвого, назначили сначала сто, а потом двести рублей, по тем временам большая сумма.

Узнав, что Беневский прибыл во Францию, Екатерина II написала 26 марта 1773 года иркутскому губернатору секретное предписание об усилении обороны Камчатки. На основании этого повеления иркутский губернатор отправил на Камчатку солдат, пушки, порох и другое военное снаряжение, доставка которого производилась целый год и стоила огромных денег.

Полковник Зубрицкий рьяно взялся за расследование бунта. С Камчатки в Охотск и Иркутск вытребовали 36 свидетелей происшедшего. Следствие шло до 1774 года, оно велось такими методами, что в конце концов иркутскому губернатору свыше было предписано: «Полковнику Зубрицкому... впредь запретить истязания».

Узнав о том, что в Париж к российскому резиденту Хотинскому пришла просьба о возвращении на родину части участников бунта Беневского, Екатерина II написала генерал-прокурору: «Семнадцать человек из тех, кои бездельником Беневским были обмануты и увезены, по моему соизволению ныне сюда возвратились, и им от меня прощение обещано. Если б же все желали ехать паки на Камчатку, тем бы и лучше, ибо их судьба такова, что прочих удержит от подобных предприятий. Что же им денег и кормовых по дороге издержите, то сие возьмите из суммы тайной экспедиции». Но бунт Беневского так напугал царское правительство, что впоследствии навсегда были прекращены ссылки на Камчатку. Самым неожиданным и страшным для правителей тогдашней России было то, что к бунту примкнули недовольные своим положением простые люди. А ведь как раз в это время разгоралось крестьянское восстание под руководством Пугачева!

Не все участники бунта Беневского вернулись в Россию, Винблан уехал в Швецию, Хрущев, Кузнецов и Мейдер поступили на французскую военную службу, а Устюжников, Чулошников, Андреянов с женой, Потапов и еще шесть человек разделили дальнейшую судьбу Беневского.

Окончание следует

**ТВОЙ
СТАРШИЙ
БРАТ—
КОМСОМОЛ**

НЕДЕЛЯ КАК ОДИН ДЕНЬ

Татьяна ПЧЕЛКИНА

Среда, четверг.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ПАНАЩАТЕНКО

Заметку про Ивана Ивановича Панащатенко я отыскала в газете «Правда» за 1943 год. Вот что в ней говорилось: «Только что отгремели бои. Под ударами Красной Армии немецко-фашистские оккупанты были вышвырнуты из Краснодона. Враг оставил всюду разрушенные шахты. В числе первых восстановителей в Сорокинское шахтоуправление пришел Иван Иванович Панащатенко. Не вылезал из лавы по 10—12 часов. Четыре-пять норм каждый день. Рекорды принесли ему славу богатыря Донбасса».

Он и сегодня богатырь. Стоит в воротах своего дома — ворота кажутся игрушкой. Руку пожал — все косточки захрустели. А по комнате ходит легко, ступает мягко. Голову слегка наклонил. То ли привычка шахтерская, то ли боится, что ненароком стукнется о притолоку.

Я уже многое про него знаю — и все от людей.

В 1944 году объявили в Донбассе сбор средств на танковую колонну имени «Молодой гвардии». Иван Иванович Панащатенко пришел в горком комсомола, сказал: «Хочу внести деньги на танк». И отнес в государственный банк 30 тысяч рублей.

Окончание. См. «Костер» № 3, 1978 г.

Знаю, как со Стахановым работал еще до войны. Стаханов тогда сказал: «Давай посовернуемся...»

Народ после смены с шахты не уходил. Стопились у шахтного двора, ждали... Поднимается клеть на-гора: «Ну, как там Стаханов?» — спрашивают. «Рубит уголек...» Еще через два часа: «Ну, как там Стаханов?» — «Да рубит же, вагонетки нагружать не успевают».

2200 процентов нормы дали за сутки. Стаханов рубил уголь, а Иван Иванович крепил кровлю. Стойки были деревянные. Весь инструмент — отбойный молоток, пила да топор. Не то что теперь — комбайн! Большая сила для той работы нужна была, богатирская сила!

Он говорит не уголь — уголек, он говорит: срубить полосочку, он говорит: работал в забое на обушок (обушок — это отбойный молоток с острым зубом). Ласково говорит, как только может сказать человек о своем любимом деле.

Сутками не вылезал из шахты, когда прогнали из Краснодона фашистов, уголь рубил, как с врагом сражался. Черный пот глаза застилал, руки уже обушок не держали, а он повторял себе: «Уголь — это победа».

Десять лет назад стал Иван Иванович Панашатенко почетным гражданином города Краснодона.

Пятница.

СПУСКАЮСЬ ПОД ЗЕМЛЮ

Я еду на шахту «Молодогвардейская». Еду мимо города Молодогвардейска, который стал памятником героям. Двадцать лет назад тут была степь. Волнами ходил ковыль. А сейчас автобус осаждают веселые молодые люди. Средний возраст жителей Молодогвардейска — 22 года.

А вот и шахта. Одеваюсь: на ноги мотаю белые портянки, с трудом влезая в высокие резиновые сапоги, на голову — платок и каска. Плотно перетягиваюсь поясом, к нему пристегиваю лампу-шахтерку. Через плечо — «спасатель»: маленький огнетушитель на случай пожара.

Меня ведет заместитель начальника участка Анатолий Мусатов, крупный, широкий в кости. И лицо у него тоже крупное, одним махом вырубленное, вокруг глаз черная горняцкая каемка.

Мы садимся в клеть. Она уже полна. Шахтеры едут на смену. Клеть опускается не очень быстро, куда там до скоростного лифта.

Потоком брызнула вода, обдала струей с ног до головы. Спрашиваю старого шахтера, связано ли это с дождем, который льет второй день в Краснодоне. «Нет, — говорит, — это грунтовые воды. Задели пласт, вот она и льет. Вода чистейшая, — продолжает он, — хоть душ принимай».

Мы спускаемся на 440 метров. Широкий, светлый рудничный двор. Как в большой коммунальной квартире, он разветвляется несколькими коридорчиками. Шахтеры быстро расходятся...

Под ногами то и дело хлопает черная густая жижа. Идем в полный рост около километра. Идти становится труднее, нагибаемся. С непривычки мне тяжело. Светлячками во тьме мелькают шахтерские лампочки. Мы с Анатолием уже не говорим, а кричим. Голова заглушает шум работы...

— Вот он, комплекс, смотрите, — перекрывая шум, кричит Анатолий. — Видите, комбайн, конвейер, металлическая крепь...

На моих глазах ломается кусками черная стена. У одного шахтера в руках отбойный молоток. Он рубит уголь. Двое других лопатами бросают его на конвейер. Это готовят дорогу комбайну. Работа идет ритмично, каждый на своем месте... Здесь в забое пахнет сыростью. Я уже не узнаю ребят, хотя час назад меня с ними знакомили. Только зубы у них блестят... Не разогнуться. Я несколько раз стучаюсь каской. А ведь Анатолий сказал, что это хороший забой. Бывают и такие, где рубить уголь приходится лежа, все шесть часов лежа...

Вот он, комбайн, совсем даже изящная машина. Около него двое — комбайнер и его помощник... Ярчайшие молнии прорезают тьму. Комбайн режет уголь. Электрические молнии врубаются в пласт, и уголь легко, как масло, кусками падает на конвейер.

— А вы знаете, — говорит Анатолий, — наша бригада дает столько же угля, сколько некоторые шахты в Донбассе. Там шахта, а у нас бригада.

Я спрашиваю у Анатолия Мусатова, потомственный ли он шахтер.

— Да, только отца своего плохо помню. Два года мне было, когда фашисты замуровали его в тюрьме.

Павел Мусатов был заживо замурован в Артемовской тюрьме. Его оставили в Дзержинске с заданием взорвать шахту и вывезти шахтное оборудование до прихода фашистов. Он успел это сделать. Но предатель донес на Мусатова. Его схватили, посадили сначала в водонапорную башню в Дзержинске. Он передал оттуда матери две записки. В первой писал: «Не беспокойся, мама, все в порядке. Береги детей». Рубашка на нем была белая, когда схватили, стала красной от крови... Во второй записке он шутил: «То клопы покусали. Не плачь, мама». Потом его вывезли в Артемовск и там замуровали в тюрьме.

В 1952 году предателя Морозова нашли в Краснодарском крае. Толе было тогда тринадцать лет. «Мать на суде очень плакала», — сказал он.

Вот и сомкнулось кольцо. От героев «Молодой гвардии» к сегодняшним шахтерам, сыновьям и внукам молодогвардейцев.

В ответ на наш вопрос: кто же он, таинственный зверь из Каштака, и что в письме вызывает сомнение! — Клуб Обыкновенных Открытий получил много писем.

Но никто не смог раскрыть тайну необыкновенного и странного хищника...

Чтобы окончательно выяснить этот вопрос, КООТ обратился к ученому, кандидату биологических наук Виталию Николаевичу ТАНАСИЙЧУКУ.

— Очень интересно! — сказал он, рассмотрев получше фотографии зверя. — А письмо похоже на сообщения о находках таинственных животных, которые время от времени появляются в печати... Как и эти сообщения, письмо кажется весьма убедительным. Еще бы — рассказ об экзотическом лесе, колючих лианах и зверях с неизвестными названиями подкреплен подлинной фотографией неведомого, ни на что не похожего существа!

Итак, сначала письмо. Все в нем верно — и в то же время неправильно. Нет на свете лианы под названием «брэмбл». Но такое растение существует, вы его знаете и с колючками его хорошо знакомы. По-русски его зовут ежевикой. А там, где растет ежевика, могут обитать и белокрылки, и скорпионовые мухи. Только белокрылки не летают в небе, это не птицы, а крохотные насекомые с нежными, слабенькими крыльями. Червецы — не хищники, извиваться они тоже не могут. Эти насекомые, похожие на мягкие подушечки, всю свою жизнь проводят на одном месте, запуская хоботок в стебель какого-нибудь растения. Свирепые скорпионовые мухи страшны только с виду — на конце брюшка у них утолщение, похожее на ядовитый «хвост» скорпиона — но оно ни для кого не опасно. Комары-долгоножки (дети иногда называют их караморами) действительно велики по размерам и могут испугать несведущего человека, но никакого «жала» у них нет, они совершенно безвредны... Зловещие же ногохвосты — это всего лишь ночные бабочки.

Короче, письмо это, с виду серьезное — просто шутка. Ну, а таинственный зверь? Вот он и впрямь очень интересен! Он действительно прыгает на расстояние, в сотню раз превышающее его длину. Это немало, примерно с полметра. Дело в том, что вся длина «зверя» — полсантиметра... Это — насекомое. А то, что на этом снимке его не смог узнать никто из читателей «Костра», — немудрено.

Пожалуй, и специалист-энтомолог не сразу угадал бы, кто это. Просто-напросто снято оно сзади! А что выглядит оно сзади как дикобраз — это уж забавная игра природы.

Вот другая фотография.

Взглянув на нее, всякий человек, знакомый с насекомыми, скажет: это личинка цикады. А «иглы» — длинные восковые нити, которые вырабатываются особыми железами. Нити помогают личинке в полете, образуя длинный и широкий веер, позволяющий скользить в воздухе. С таким «хвостом» прыжок точнее.

А вот — взрослая цикадка.

Цикадка — коричневая, будто лакированная, с разводами и глазками на крыльях. Обычно цикадки складывают свои крылья домиком, а у этой они распростерты, как

несколько лет, и цикадки заполонили побережье. На citrusовых, на винограде, на инжире — всюду можно было увидеть сотни этих элегантных насекомых и их личинок с пушистыми «хвостами». Они сидели, воткнув хоботки в растения, и тянули из него сок. Особенно много их было на той самой «лиане брэмбл», то есть на ежевике. Японская цикадка стала самым обычным и чуть ли не самым многочисленным насекомым Черноморского побережья. Перебралась она и в Крым. Произошел экологический взрыв. Почему? Да очень просто. Во-первых, цикадка нашла у нас в Причерноморье подходящие условия: достаточно было тут и тепла, и света, и влаги, и пищи. А главное — насекомое попало к нам без своих паразитов и естественных врагов, которые сдерживают рост ее численности в Японии. Еще хорошо, что вредит она растениям не сильно — иначе садоводам было бы с ней хлопот...

Вот как обстоит дело с ПРЫГАЮЩИМ ДИКОБРАЗОМ ИЗ КАШТАКА...

ЗАГАДКА КООТА

у бабочки. Ее и называют: цикадка-бабочка, а еще — японская цикадка. Почему же японская? Это интересная история. Еще в начале пятидесятых годов никто не видел эту цикадку на берегах Черного моря. В 1954 году энтомологи поймали первых трех — около города Сочи. Откуда они там взялись? Стали разбираться (ведь такие насекомые обитают очень далеко — в Японии) — и выяснили, что свои яйца эта цикадка откладывает в кору молодых побегов и веток, пропиливая в них отверстия. Наверное, на Кавказ были завезены из Японии саженцы каких-то растений — и никто не заметил, что в них были яйца цикадок. Прошло

Это — глаза и носы. Животных, которым они принадлежат, не видно, все остальное у них — под водой. Но именно так они дышат и наблюдают за всем, что делается над водой. Что это за животные? Вроде бы — одни и те же. Но если очень внимательно посмотреть — разные. КООТ предлагает вам дорисовать все, что скрыто под водой. Тогда будет ясно, кто это. Ждем ваших писем и рисунков.

СКАЗКА

Рисунок Г. Ясинского

Жил-был столяр Петрусь. Живет, делает стулья, кресла, скамеечки. На какую его работу ни посмотришь — залюбуешься. Столярничает...

— Как по нотам играет! — Это музыкант сказал.

— Все у него как по маслу! — Это — молочник.

— Э, нет. Просто все у него в руках горит! — А это, конечно, пожарник.

Пасечник хотел похвалить: мол, руки у нашего Петруся медовые! — не успел. Ксобек-бездельник его перебил:

— Дураков работа любит. Петрусь, а Петрусь, сделай рогатку — я в луне дырку прошибу!

— Зачем луну портить?

Сказал Петрусь, рукой махнул. А в руке у него — фуганок. Как махнул, так четыре доски обстругал...

Как-то раз нашел Петрусь у себя в кладовой основную доску. Цвет у нее золотой, запах... словно окно в молодой лес распахнулось!

Погладил он ее, а доска возьми и запой: *Мастер, а мастер!*

Смастери из меня кресло.

С золотым отливом.

Кто отдохнет в нем, одарю силой, придумкой.

Смастери из меня кресло!

Обрадовался Петрусь. Рубанки, фуганки

заплясали у него в руках. Не прошло и четырех дней, кресло готово.

Идет мимо бабушка, пирожки несет.

— Сядь, бабушка, в кресло, посиди. Устала?

Села бабушка, сил у нее прибыло, говорит:

— Вот тебе, Петрусь, пирожки. Пойду, испеку такой пирог — чем больше его будут есть, тем больше останется. Всех накормлю!

Шел мимо музыкант, сел в кресло. Только отдохнул, только задумался, изобрел... музыку не музыку — граммофонный диск!

Сел молочник — мороженое выдумал.

Сел пожарник... Этот дольше всех сидел. Медные щеки надувал, лоб морщил — насос придумал.

Пасечник хотел усесться, не успел, бездельник Ксобек прибежал — плюх в кресло!

— Придумал, — кричит, — придумал! Дырку в земле. Кто пойдет — в нее свалится. Вот потеха!

Петрусь говорит:

— Слазь! От хороших людей в кресле польза, а от тебя...

Хотел Ксобек ему язык показать, а кресло как подскочит. Вылетел из него Ксобек. В воздухе перевернулся, на землю — шлеп!

— Садись, пасечник!

И ты, читатель, хочешь добра людям? — тоже иди к нам.

Перевели с польского
С. СВЯЦКИЙ, С. САХАРНОВ

КАТОК

РАССКАЗ

Э. КУНДЫШЕВА

Маму вызвали в школу к трем часам. В пять часов я договаривался с ребятами встретиться на катке.

Я знал, что Лидия Васильевна, наша классная воспитательница, будет, как всегда, жаловаться маме на мое поведение и успеваемость. И, конечно, мне заранее было известно, какое ждет наказание — дома меня не пустят на каток. Такое было не в первый раз.

На последнем уроке я сидел и мучался. Чтобы разрешили идти на каток, можно было испробовать несколько способов: можно было после школы начать перед мамой оправдываться: «Честное слово, этого не было!.. Честное слово, я ответил правильно!», можно было, приложив руки к груди, поклясться: «Честное слово, это не повторится!», можно было бы подговорить ребят со двора зайти за мной и дружно просить маму: «Пожа-а-луйста, пусть-ите его, он больше не бу-у-удет...», можно было, в конце концов, уговорить ее разрешить мне сбегать на каток только на пятнадцать минут, «ну хоть на десять, ну хоть на пять!...» Ладно, думал я, посмотрю по обстановке, с чего начать...

Разговор состоялся в коридоре школы. Лидия Васильевна, как обычно, стыдила при маме меня, что я «способный, но ленивый», что при ответах надеюсь на подсказки, что на уроках мешаю себе и другим, что на переменах бегаю, кидаюсь учебниками и задираю всех, что у меня на уроке геометрии нет транспортира и линейки... И еще говорилось много всяких слов о том, каким бы я мог быть, но какой «к сожалению, есть».

Я стоял, опустив голову, и краем глаза поглядывал по сторонам. Нарочно мимо нас туда и обратно промчался Сережка Малютин и по-особому мне улыбнулся — мол, держись, старик! Я украдкой подмигнул ему — мол, все в порядке, старик! Ехидно улыбаясь, проплыли, взявшись под руки, Жанка Петрова и Людка Семенова — я смерил их презрительным взглядом. Прошла завуч школы Наталия Константиновна — на всякий случай я сделал задумчивое лицо.

На маму я не глядел. Мне было видно только, как она переминалась с ноги на ногу, будто ноги у нее замерзли, и слышно, как время от времени после слов Лидии Васильевны она вздыхает.

Наконец разговор закончился. Я оделся, успев в раздевалке поддать первокласснику, который сделал мне «нос», с понурым видом вышел за мамой из школы.

На белых заснеженных тротуарах чернели гладкие блестящие каточки.

Я искоса взглянул на маму. Она шла быстро, закусив губу и смотря прямо перед собой. Я подождал, не заговорит ли она первой, но то ли потому, что, как она обычно выражалась, «у нее не было слов для возмущения», то ли потому, что она была «потрясена услышанным», но она молчала. Тогда я решил действовать. Губы у меня сразу же надулись, а в глазах, как по заказу, выступили слезы.

— Главное, — начал я, и голос у меня даже задрожал от обиды, — почему на меня все сваливают?! Как что — так сразу «Прошкин». А я вовсе не...

— Ты пойдешь, — перебила меня мама, не поворачивая головы и продолжая быстро идти.

— Что? — спросил я.

— Пойдешь сегодня, — повторила мама.

— Куда? — не понял я.

— На каток. Я разрешаю.

От неожиданности я остановился как вкопанный. Конечно, я бы очень обрадовался этим словам, если бы не был ими так ошарашен. Я стоял и не понимал, что со мной — для полного счастья мне как будто чего-то не хватало...

Спohватившись, я догнал маму и, заглядывая ей в лицо, быстро заговорил:

— Понимаешь, я ни при чем... Разве я виноват, что мне подсказывают?! Я ведь никого не прошу об этом... А насчет транспорта, так, честное слово, я никогда не забываю его, просто у меня в портфеле щель, вот, смотри, — и я поднял портфель.

По лицу мамы было непонятно, слушает она меня или нет. У газетного киоска она неожиданно остановилась и начала пристально рассматривать выставленные за стеклом марки.

— У тебя есть такие? — ткнула она пальцем в кубинские марки, которые я давно уже присмотрел и только ждал подходящего момента попросить родителей купить их мне, но такой момент все не наступал, потому что я приносил домой в дневнике то двойку, то замечание.

— Нет, — ответил я недоуменно, — а что?

— Пожалуйста, дайте этот блок, — попросила она киоскершу и, когда расплатилась с ней, вручила мне конверт с марками, — держи.

— Спасибо, — пожал я плечами и сунул конверт в карман куртки.

Наталкиваясь на встречающих прохожих, я сбивчиво заговорил:

— Вообще-то я виноват, я согласен... Но ведь я не нарочно, не специально... Но я, конечно, постараюсь...

У кинотеатра мама опять остановилась, взглянула на цветную афишу на стене и прошла в помещение касс.

— Ну не буду я больше, — бормотал я, пока мы стояли в очереди, — не буду...

Я предчувствовал опять что-то недоброе, но все еще надеялся, что мама собирается взять билет на вечерний сеанс себе и отцу.

Отойдя от кассы, она протянула мне билет.

— На завтра. «Москва — Кассиопея».

— Я смотрел уже, — буркнул я.

— Ничего, посмотришь снова. Ты же хотел сходить еще раз.

— Но после родительского собрания ты ведь меня не пустила, — напомнил я.

Но мама уже выходила на улицу. У самого дома она завернула в кафе-мороженое.

— Садись, — указала она мне на свободный столик.

Официантка, которую в другой раз не дожدهшься целый час, появилась передо мной, как сивка-бурка.

— Что закажете? — приготовилась она записывать в своей книжечке, — есть земляничное и крем-брюле.

— Какое? — спросила меня мама.

— Все равно, — выдавил я из себя.

— Тогда и земляничное, и крем-брюле. Двойную порцию. С сиропом, — заказала мама, — мне не надо.

Официантка вмиг принесла чашечку с мороженым и поставила передо мной.

— Ешь, — сказала мама.

— Не хочу, — отвернулся я, чувствуя, что у меня почему-то трясутся губы, и отодвинул от себя чашку.

— Но ты же любишь мороженое, — придвинула ко мне чашку мама.

Я хотел опять отодвинуть чашку, но посетители из-за соседних столиков стали с интересом на нас поглядывать — такое они, наверное, видели первый раз.

Я заставил себя съесть несколько ложек и больше не смог.

Отца дома не было. Мама сняла пальто и принялась молча разогревать обед. Потом нагнула на плечи платок и сказала в прихожей:

— Я пошла к соседке. На плите все горячее. Пообедай и иди на каток.

— При чем здесь каток?! — закричал я. — Что вы все про каток? Может быть, я совсем не хочу на каток!

Но мама уже захлопнула за собой дверь.

Я остался в квартире один. На столе тикал будильник, показывая, что скоро пять. И вдруг я бухнулся в кресло и, упав головой на стол, заплакал.

Сначала я плакал тихо, потом все громче и громче. Вспоминая теперь слова Лидии Васильевны, я плакал о том, что я не отличник и не четверочник и что, когда у доски жду подсказки от Сережки Малютина, у меня не только бегают глаза, но, наверно, если посмотреть со стороны, отвратительно двигаются даже уши... Я плакал потому, что учебники у меня такие, что однажды Жанка Петрова нарочно при всех громко в классе спросила Людку Семенову, что было бы ей противнее взять в руки — болотную лягушку или мой учебник... Я плакал оттого, что самая маленькая ростом в нашем классе Зойка Федорова, стоит мне подойти к ней, всегда съезживается, словно ожидая, что опять щелкну ее по лбу...

Я сидел в пустой квартире и ревел, ревел во весь голос, и от этого был противнее себе еще больше.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

НЕ ВЫШЛО

Смело я иду к доске,
Мел держу в одной руке,
А в другой шпаргалку прячу...
Я решу сейчас задачу!
Мне поможет здесь сноровка
Развернуть шпаргалку ловко.
Цифры выписал я враз —
Загудел, как улей, класс!..

Понял я, что все в порядке.
Да не все как будто гладко...
Мне учитель говорит:
— Нет, не тот ответ стоит!
Нам тебя немножко жалко:
Подвела тебя шпаргалка.
А теперь дневник открой-ка,
За обман там будет двойка!..

Сергей Чернокожев,
г. Навои

3. За сообщение о старинных парках и заброшенных старинных садах —

Веру Шмелькову (поселок Лунино Пензенской области),

Муслима Бекирова (совхоз «40 лет Советскому Азербайджану», Азербайджанская ССР).

4. За сообщение о малине за пределами ареала —

Лену Разгонюк (село Веренка Иркутской области),

Ларису Андриевскую (поселок Горки Тюменской области).

ИТОГИ ПОИСКА ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ

В 1977 году «Костер» совместно с учеными Ботанического сада Академии наук СССР предложил ребятам провести поиск редких и необычных растений.

За деятельное участие в ПОИСКЕ, за помощь ученым в уточнении ареалов различных растений, за находки и открытия штаб ПОИСКА награждает ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ:

1. За находку розовоцветной черемухи —

Светлану Сенину (поселок Хуухканмяки Карельской АССР),

Олю Ашейчик (Среднеуральск),
Володю Сольникова (деревня Баранниково Свердловской области).

2. За находку карликовой березки за пределами ареала —
Валерия Акулича (деревня Приболовичи, БССР).

3. За сообщение о дубках за пределами ареала —

Лену Демину (Свердловск),
Серёжу Кобыленко (Рубцовск Алтайского края).

4. За подробное описание старинного парка и его растений, за организацию охраны парка —

Светлану Бурякову (поселок Екатериновка Рязанской области).

5. За сообщение о лиственных дубках за пределами ареала —

Иру Зуйкову (поселок Шлиппово Калужской области).

За важные и интересные сообщения и активное участие в ПОИСКЕ штаб ПОИСКА награждает ПАМЯТНЫМИ ПОДАРКАМИ:

1. За сообщение о дубках за пределами ареала —

Надю Козицину, Лену Нозикову (поселок Харитонов Архангельской области),
Олега Варлакова (Свердловск).

2. За находку розовоцветной черемухи —

4-й класс, классный руководитель Сапунова Г. С. (село Куруил Оренбургской области),

5-й класс, классный руководитель Левин Ю. С. (село Балаир Свердловской области).

5. За важные и интересные сообщения —

Виталия Иванова,
Светлану Токареву,
Виктора Пихлаку и
Марину Иванову (поселок Гостилицы Ленинградской области),

Иру Люблинскую,
Сашу Мельникова,
Веру Тузову,

Сашу Горшакова и
Олю Лебедеву (Ленинградский Дворец пионеров им. А. А. Жданова),

Надю Трапезникову (г. Запорожье, УССР),

Галю Денисову (поселок Майский Кабардино-Балкарской АССР),

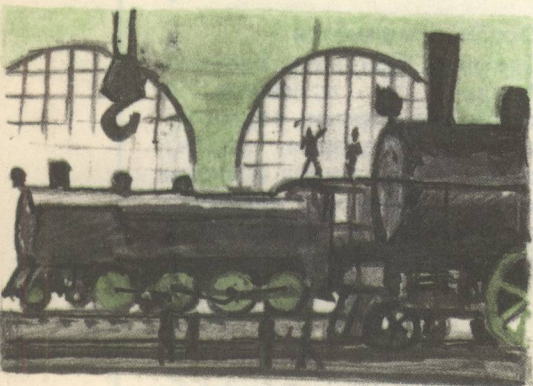
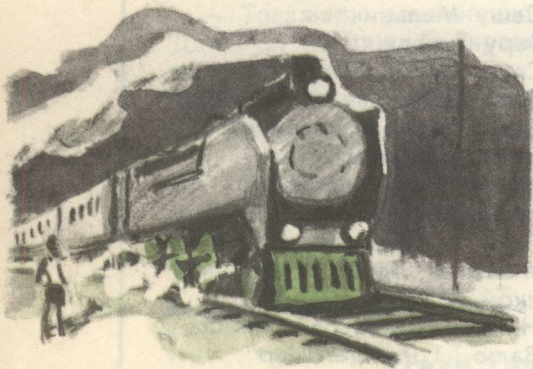
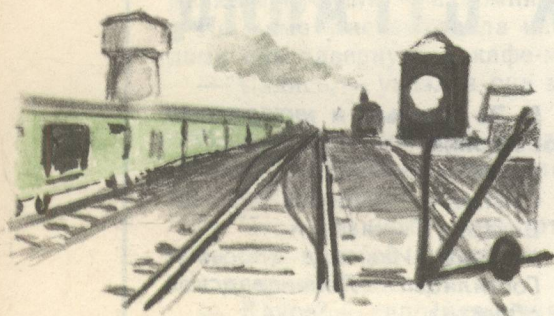
Наташу Курносову (Брест),
Валю Гольцфельдер (г. Есиль).

Особо отмечают

Светлана Сенина и Валерий Акулич — за присылку в редакцию хорошо подготовленного гербария редких растений. Им будут высланы книги о природе писателя-натуралиста Н. Сладкова с автографом автора.

**ШТАБ ПОИСКА
„ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ“**

ПОЕЗД МЧИТСЯ, РЕЛЬСЫ ГНУТСЯ

Мне было десять лет, когда в Ленинграде построили метро. Мальчишки нашего класса сразу решили, что надо показаться. После уроков мы поехали на трамвае на площадь Восстания, где была станция метрополитена, вошли в широкие двери и, крепко взявшись за руки, встали на ступеньки эскалатора.

Я подумал, что вот сейчас мы полетим, как с ледяной горки, и немного испугался. Но ничего страшного не случилось, и все благополучно съехали вниз, где стояла тетенька в красной фуражке и следила, чтобы никто не споткнулся и не упал. Ведь ездить в метро тогда еще не привыкли.

Когда ступеньки эскалатора под ногами стали исчезать и оборвался черный резиновый поручень, мы высоко подпрыгнули и очутились на настоящем полу, который никуда не ехал.

Лично я в тот момент совсем успокоился и смело вошел в новенький, пахнущий свежей краской вагон. Рядом с нами стояли два офицера-танкиста, и один из них сказал: «Смотрите, надо же, всего десять лет прошло, как закончилась война, а ленинградцы и город свой заново построили, и пустили метро...»

Первые поезда метрополитена ходили от площади Восстания до станции Автово и обратно. За восемнадцать минут они пробегали весь маршрут — чуть больше десяти километров.

— А сегодня, — рассказал мне начальник сектора технического отдела Управления метрополитена имени В. И. Ленина Виктор Васильевич Червяков, — если вытянуть подземную железную дорогу в одну линию, получится примерно 109 километров. Около ста поездов перевозят ежедневно свыше 1 миллиона 700 тысяч пассажиров.

Все мы давно привыкли и полюбили ездить по подземной дороге. Она — удобная и быстрая. Поезда метро бегут со средней скоростью свыше 40 километров в час, а это значит — в два раза быстрее,

чем ходят по улицам трамвай или троллейбус. В метро можно сэкономить много времени и потратить его на разные полезные дела.

Я всегда ездил, как обычный пассажир, а недавно мне решили проехать в кабине головного вагона, рядом с машинистом. Там есть откидной стульчик, который раньше занимал помощник машиниста. Но теперь второе место в кабине остается пустым, потому что машинисты, как они говорят, управляют поездами «в одно лицо». Им помогает сложная техника, которая все видит и все знает.

Автоматы смотрят на светофоры, регулируют скорость движения поезда, производят посадку пассажиров, дают отправление. Записанный на магнитофонную пленку голос объявляет: «Осторожно, двери закрываются! Следующая станция...»

Конечно, люди автоматам полностью доверяют, но совсем заменить человека те пока не могут. Слишком важная и ответственная это работа — возить целый день пассажиров. Вот и получается, что автоматы в пути следят за всем, а машинисты следят за автоматами и проверяют правильность их действий.

Я ехал в кабине с машинистом Анатолием Алексеевичем Елкиным и хочу вам про него рассказать.

Анатолий Алексеевич — очень хороший машинист. Он перевез больше миллиона пассажиров.

В семье Елкиных все мужчины работали на железной дороге. Отец Толи был машинистом паровозов, дедушка — главным конструктором поездов, а дядя — мастером по ремонту в депо.

Елкины даже жили всегда рядом с железнодорожной станцией, и мимо окон их дома днем и ночью проносились составы. Когда Толя впервые увидел паровоз, он здорово испугался. Ему показалось, что черная, блестящая, как отлично начищенный сапог, металлическая гора мчит прямо на него и сейчас сотрет в порошок. Он крикнул: «Ма-а-ма!», побежал в дом и спрятался под столом, завернувшись в скатерть. Ночью ему приснились огромные черные слоны, которые топали ногами и выпускали из хоботов струи дыма и снопы искр.

— Потом, — смеется над своим детским страхом Анатолий Алексеевич, — я убедился, что паровозы совсем не страшные. Они — сильные и послушные людям машины. Я полюбил их и, когда вырос, стал работать в депо...

После войны, где он храбро воевал и был награжден медалями и тремя орденами Красной Звезды, Анатолий Алексеевич снова пришел в депо. Водил поезда с отцом, Алексеем Ивановичем, потом закончил курсы машинистов и с пригородных маршрутов перешел на дальние. Ему, хорошему спортсмену, чемпиону Октябрьской железной дороги по хоккею с мячом, доверили доставить сборную советскую команду на Олимпийские игры в Финляндию. А когда открылся набор на курсы машинистов электросекций, Елкин записался одним из первых. Его всегда манила новизна, хотелось попробовать свои силы в новом деле, так он попал в метро.

В длинных и узких, как шпала, тоннелях казалось, будто скорость движения поезда увеличивается сама собой.

Вместо красивых северных пейзажей перед глазами слева и справа мелькали только голые стены. К этому надо было привыкнуть, и Анатолий Алексеевич поставил сложную задачу: выработать в себе предельную собранность и внимательность. Он добился своего, и ни разу в его практике машиниста метрополитена не возникла опасность аварийной ситуации. За долгий и безупречный труд советское правительство наградило его орденом Ленина.

Сегодня в петлице форменного кителя Анатолия Алексеевича шпала, а на рукаве — две серебряные звездочки. Машинист первого класса — самого высокого.

Вот двери вагона прошептали «тс-с-с» и закрылись. Поезд плавно отошел от перрона, и нам навстречу замелькали зеленые огоньки светофоров. Сейчас машинисту нельзя мешать, нельзя отвлекать его разговорами. Я сидел молча на своем стульчике и наблюдал за работой Анатолия Алексеевича. Честно скажу, мне показалось, что ничего особенного он не делает, просто внимательно смотрит вперед, на дорогу. Ведь всю работу за него, вспомнил я, выполняют умные автоматы. До чего же простое дело.

— Ошибаетесь, — улыбнулся машинист, когда я признался ему, о чем думал. — Наши автоматы еще не научились быть вежливыми. Если закончилось время, отведенное на посадку, они, например, могут захлопнуть двери перед носом у пассажиров. Им даже не жалко, если какая-нибудь старушка с тяжелой сумкой не успеет сесть в вагон. Тогда машинист принимает командование на себя и приказывает автоматам: «Задержать посадку, подождать, пока люди займут места в вагонах!»...

Чтобы стать машинистом, надо, оказывается, закончить профессионально-техническое училище и приобрести специальность слесаря по ремонту подвижного состава. Потом надо выучиться в технической школе на помощника машини-

ста и наездить много километров. Только после этого можно будет сдавать экзамены на право вождения поездов...

А я-то решил, что это совсем простая профессия. Сидишь себе в кабине и смотришь, как убегают под колеса светящиеся в лучах прожектора рельсы, а за тебя стараются автоматы. С такой работой любой двоечник может справиться.

Теперь я так не считаю. Хорошо, что поехал с Анатолием Алексеевичем и узнал все, как есть на самом деле.

А. КУЧЕРЯВЕНКО

Рисунки В. Адаева

Геннадий ШАТКОВ

Рисунок В. Цикоты

Официально Жорж Карпантье был абсолютным чемпионом Европы и чемпионом мира в полутяжелом весе. Но это не все. Во Франции его считали истинным патриотом, а англичане признавали за лучшего боксера Европы всех времен.

Родился Карпантье в бедной шахтерской семье. Работал он сначала мальчиком на

посылках у нотариуса и однажды совершенно случайно попал в гимнастический зал некоего Франсуа Дескомпа. Дескомп быстро открыл в двенадцатилетнем парнишке огромный талант. В короткое время Жорж сделался любимцем «профессора». Уже в 1908 году неслыханно быстрый и ловкий тринадцатилетний Карпантье начал уверенно

Имя Геннадия Ивановича Шаткова — заслуженного мастера спорта, неоднократного чемпиона страны, чемпиона Европы и Олимпийских игр хорошо известно любителям бокса старшего поколения. Но и потом, уйдя с ринга, знаменитый спортсмен продолжал радовать своих почитателей. Талантливый ученый, проректор Ленинградского университета, автор интересных книг — вот страницы его послеолимпийской биографии.

Американский боксер-профессионал — абсолютный чемпион мира Мохаммед Али, вспоминая о своей встрече на олимпийском ринге с Геннадием Шатковым, недавно говорил: „Отличный, мужественный боксер, великолепный техник. Передайте ему мой самый сердечный привет. Я рад за него. Мало кто из нашего брата, покинув ринг, находит место в жизни. Мне в свое время даже не удалось доучиться в школе. Мы нужны лишь до тех пор, пока продаем свои кулаки“.

Не правда ли, какое горькое и красноречивое признание спортсмена самой богатой капиталистической страны? А как скажешь иначе? Два мира, два спорта, две судьбы — факт, от которого никуда не денешься!

Сегодня мы познакомим вас с отрывком из новой книги Геннадия Ивановича Шаткова. Книга рассказывает о истории зарубежного профессионального бокса, его жестоких нравах и обычаях. И так и называется — „Жестокие раунды“.

побеждать всех соперников на ринге, а в 1913 году встретился с чемпионом Британской империи тяжеловесом Билли Уэльсом в бою за титул абсолютного чемпиона Европы. «Бомбардир», так называли Билли Уэльса, был в те времена любимцем английских почитателей бокса. Этот огромный, почти двухметровый детина с широкими плечами и мощными руками одним своим видом приводил соперников в трепет.

После первого раунда, в котором француз три раза побывал на полу, публика начала требовать прекращения матча, считая силы боксеров абсолютно неравными. Уж очень бросалось в глаза физическое превосходство Уэльса над щуплым французским парнем. Все это напоминало бой Давида с Голиафом. Однако в двух следующих раундах «бомбардир» уже не находил момента для нанесения своих сильных прямых ударов. Француз непрерывно входил в сближение и яростно атаковал. В четвертом раунде британский колосс был повержен.

Вест об этой победе разнеслась по всему континенту. Англичане, конечно же, сразу предложили реванш. Но результат матча-реванша был еще более сенсационным. Прежде чем болельщики Лондона, заполнившие зрительный зал, смогли оценить ситуацию, Уэльс уже лежал во весь рост, безоговорочно нокаутированный.

Выиграв звание чемпиона Европы, Карпантье остался скромным и простым парнем. Когда в августе 1914 года разразилась мировая война, он порвал все связывающие его контракты, выплатил своим соперникам неустойку и добровольно вступил в армию. Окончив летное училище, Жорж Карпантье храбро выполнял боевые задания и был награжден военной медалью.

Демобилизованный в начале 1919 года Великий Жорж, как его называли во Франции, вернулся в спорт. И очень скоро всем стало ясно: в Европе у него противников нет.

Честолюбие заставило менеджера Франсуа Дескомпа отправиться со своим воспитанником в «логово Джека-тигра» — в США, чтобы там добиться встречи Карпантье — Демпси. Однако американцы очень дорожили званием абсолютного чемпиона мира и не спешили с проведением матча. К тому же Жорж был боксером полутяжелого веса, поэтому ему предложили сперва встретиться с чемпионом мира в этой весовой категории Баттлингом Левинским. Предложение было принято без колебаний.

Что можно сказать о Карпантье как о боксере? Благодаря гимнастическим и акробатическим упражнениям, которыми увлекался с детства, он обладал необычайной ловкостью и феноменальной координацией движений. Его бокс был игровым, хотя правой рукой он нокаутировал немало со-

перников. Непринужденно двигаясь по рингу, Карпантье много и умело «финтил». Его бои производили впечатление какого-то танца, в котором противник неожиданно падал, как сломанная кукла. Правый кулак Карпантье стрелял со скоростью 70 метров в секунду и большей частью безошибочно попадал в цель.

Перед встречей с ним Баттлинг Левинский был уже четыре года чемпионом мира. И за свою десятилетнюю карьеру из 224 проведенных боев проиграл только шесть. Но уже после первых ударов Карпантье чемпион мира ушел в глухую защиту. Француз остановился и спросил: «Разве вы не хотите боксировать?» Левинский яростно бросился вперед, как бы желая смести соперника с ринга. Но Карпантье, уже достаточно узнавший его слабые стороны, тоже переходит в стремительное наступление. Несколько молниеносных атак — и сопротивление Левинского сломлено. В четвертом раунде Карпантье одержал чистую победу.

Теперь на его пути остался только один человек — Джек Демпси.

Спортивные страницы газет были заполнены материалами о предстоящей встрече. Большинство обозревателей, даже американских, дарили свои симпатии французам и предсказывали ему победу. Специалисты бокса занимали иную позицию. Они рассчитывали на успех Демпси, веря в неистовство его атак, в силу ударов и громадную выносливость.

2 июля 1921 года была суббота, день выдался жаркий и душный. Новый стадион в Джерси-Сити был полностью забит людьми, которые прибыли сюда из всех штатов. Накануне шел дождь, тысячи людей провели ночь перед боем под открытым небом, так как все отели были переполнены.

Но вот на квадратную арену вышел человек в серых брюках, с темной «бабочкой» у ворота белой рубашки. Это был Гарри Эртл — арбитр «боя столетия». Невероятными овациями был встречен появившийся на ринге Жорж Карпантье. Он легко перескочил через канаты и поднятыми над головой руками приветствовал публику. Через минуту на ринге появился Джек Демпси. Его встретили более сдержанно, хотя тоже шумно и радушно. Он направился прямо в свой угол и сел на табурет, исподлобья поглядывая на противника.

Карпантье с улыбкой подошел к Демпси и протянул руку. Демпси встал и пожал поданную ему руку, но его хмурое лицо не прояснилось ни на минуту.

...А в это время в Париже день подходил к концу. Небозримые толпы людей вышли на улицы и Елисейские поля. Люди впали в какое-то необычайное состояние, их перестали интересовать все дела, за исключением результата боя, к которому готовился в это время Великий Жорж в далеком

Джерси-Сити. Тысячи парижан собирались перед редакциями газет, где в ярко освещенных витринах появлялись тексты последних телеграмм. В небе кружили самолеты, которые с помощью ракет должны были сигнализировать победу Карпантье. Огромные массы народа на улицах и площадях так сгустились, что во многих районах Парижа движение транспорта было прекращено...

Рефери вызвал боксеров на середину ринга. Зрители еще раз, теперь уже воочию, сравнили физические данные обоих противников. И сравнение это, безусловно, было в пользу Демпси. Его мощная фигура очаровывала своей силой. А Карпантье выглядел щуплым, грудная клетка казалась плоской, со слабыми мышцами, плечи гладкие, совсем не внушающие доверия. В то время как окружность бицепса Демпси была свыше 41 см, бицепс Карпантье только 34 см, и это сразу бросалось в глаза. На ринге стояли два боксера совершенно не похожие друг на друга.

Гонг к началу боя прозвучал ровно в 15 часов 16 минут. Согнувшийся Демпси моментально оказался рядом с соперником. Однако француз опередил его и сделал два молниеносных удара. Затем еще удар справа! Голова чемпиона отскочила, как мяч. На стадионе поднялся крик: «Вперед, француз!» Карпантье вновь попал правой, но в следующий момент американец нанес ему тяжелый удар в туловище. По лицу французца пробежала гримаса боли. Но, когда чемпион бросился в атаку, то неожиданно был встречен серией сухих, метких ударов в голову. Демпси однако вошел в сближение. Через минуту дьявольская молотьба в сближении повторилась. В ближнем бою вес и сила давали Демпси решительное преимущество. Правда, Карпантье очень хорошо двигался и удачно встречал противника левой. В один из моментов он хорошо выдернул на себя Джека-тигра и сильнейшим ударом выстрелил в подбородок.

Но фантастическая стойкость и контратаки чемпиона держали Карпантье в постоянном напряжении. А один из ударов Демпси в конце раунда внезапно сбил его с ног. Великий Жорж, правда, вскочил раньше, чем рефери начал считать. Когда прозвучал гонг, среди зрителей пронесся вздох облегчения. Щуплый француз показал, что Джек-тигр не так уж страшен.

Во втором раунде Карпантье удачно работал на дистанции, ища момента для удара правой. Наконец, такая возможность представилась. Француз как бы случайно опустил левую руку и этим сумел обмануть Демпси. Тот, видя противника открытым,

не раздумывая ударил, и в тот же момент был встречен ошеломляющим ударом. Ноги Демпси бессильно подогнулись, и, чтобы не упасть, он инстинктивно ухватился за соперника.

— Брек! — скомандовал судья.

И снова Карпантье проводит эффектную атаку. Стадион захлебывается от восторга. Зрители громко восхищаются техникой французца и удивительной силой его правой руки. В перерыве большинству присутствующих казалось совершенно очевидным: Карпантье победит. Между тем француз, сидя в своем углу, уже знал, что бой проигран. Две минуты назад, когда Демпси еле держался на ногах, он мог прикончить его одним ударом, но этого последнего удара не смог нанести. Страшная пронизывающая боль остановила его руку — рука была сломана.

Третий раунд Демпси начал очень осторожно. Он получил чувствительный урок и понял, с кем имеет дело. Но почему грозный соперник все время уходит, нанося удары одной левой, а правая рука только прорезает воздух? Демпси был неглуп. Его атаки обрели силу и жесточенность. И картина боя внезапно изменилась. В начале четвертого раунда Джек загнал соперника в угол. Беззащитный Карпантье был ему уже не страшен. Правда, тот пытался отвечать левой, но Демпси намеренно принимал удары, чтобы наносить свои, более сильные. После очередной серии Карпантье свалился на ринг и, согнувшись, лег на правый бок. Рефери выкрикивал секунды над лежавшим без движения французом. Когда он сказал «девять», Карпантье, ко всеобщему удивлению, внезапно встал на ноги, готовый к бою. И бой продолжался. Великий Жорж нашел в себе силы и, высоко подняв перчатки, старался встречать рвущегося к победе Демпси. Тело его было сломлено, но душа оставалась непобежденной.

В конце концов Демпси своего добился. Но тысячи людей, собравшиеся у выхода стадиона, приветствовали не его, а его соперника. Не Демпси, а Карпантье сумел завоевать всеобщее признание своим боксерским искусством и отвагой.

После матча Карпантье провел еще почти две недели в Америке, встречая на каждом шагу симпатию и доброжелательство. И выдающиеся представители искусства, такие как Чарли Чаплин, Джордж Гершвин, Дуглас Фербенкс, и все известные спортсмены стремились с ним завязать дружеские контакты. И только бесчисленные любители автографов не знали, что делать. Правая рука Карпантье находилась в гипсе.

АРЧЕБЕК

НАШИ ЧЕМПИОНЫ

В упорных сражениях в финале прошлогоднего турнира набрали наибольшее число баллов — 60 — и удостоены звания чемпиона АРЧЕБЕКА 1977 года десять рыцарей клетчатой доски: шахматисты — Володя Абросимов (Красноярск), Володя Белов (с. Крестовые Городищи), Витя Даничнов (с. Молька), Леня Кошкин (Горький), Эдуард Розенталь (Вильнюс), Геннадий Трегубенко (Никополь), Володя Червяков (Талды-Курган), шашкисты — Валерий Пирюткин (Ростов-на-Дону), Сережа Похвали-тов (Симферополь), Боря Тюньков (Ульяновск).

Кроме них дипломом и призом награждаются — Сережа Балашов (Шекино), Ваня Борисов (Фрунзе), Володя Бирилюя (В.-Пышма), Алексей Денисов (Красноярск), Саша Елесин (Арзамас), Толя Казун (д. Цна), Геннадий Крячков (д. Ситенка), Гриша Кашенко (с. Хвошеватое), Игорь и Олег Кобелевы (Березовский), Вася Мурашов (Н.-Салда), Вася Мезенцев (Макеевка), Сережа Малков (п. Оричи), Володя Мирзагитов (Ижевск), Коля Оклей (з/с. Славянский), Петя Павлюченко (Москва), Женя Пархоменко (Ивантеевка), Саша Садаков (Камышлов), Олег Степанов (д. Ситенка), Володя Сохраняев (Пустошка), Юра Тараников (Прокопьевск), Володя Федоров (п. Северный), Оля Хрупова (с. Ратчино), Ринат Ханнанов (Кумертау), Наташа Чернышова (Донской), Юра Шарашкин (Макеевка), Светлана Шадрина (Иваново), Таня Янченко (Торжок).

Им присвоен второй спортивный разряд.

Также вошли в число победителей и награждаются дипломом: Витя Амосов (Петрозаводск), Женя Бычков (Димитровград), Сережа Виноградов (Орск), Костя и Юра Дяченко (Ухта), Валерий Добижа (Караганда), Игорь Козлов (с. Городище), Сережа Калямин (Петродворец), Павел Колосов (Томск), Сережа Козлов (Азов), Амангельды Кудабаяев (с. Николаевка), Филипп Лангольф (с. Зятково), Лариса Лукьянова (Кокчетав), Сережа Манаев (п. Гай), Вадим Нехаев (Караганда), Лена Полканова (Москва), Валерий Поздняков (Железногорск), Валя Пастухова (Свердловск), Виталий Рудаков (ст. Насосный), Женя Трошин (Севск), Павел Черняк (Смоленск).

Норму второго спортивного разряда выполнили и Володя Арьков (Антрацит), Аркадий Казарин (п. Мешон),

Саша Кулеш (Великие Луки), Сережа Климов (п. Кузоватово), Игорь Коныхов (Саранск), Витя Перетятко (Кемерово), Костя Печалин (п. Водный), Сережа Ракунов (Кемерово).

Помимо названных, еще 186 доблестных рыцарей получили документы о том, что они стали спортсменами-разрядниками.

Трижды салют всем финалистам чемпионата 1977 года!

(Решения задач призового тура будут напечатаны в «Костре» № 5).

ЧЕМПИОНАТ-78

Сегодняшний — четвертый — тур принесет участникам соревнования еще десять очков.

Задание шахматистам —

А. Белые: Крe1, Лc4, п. e2; черные: Крe3. Мат в 4 хода.

Б. Белые: Крg1, Лg7; черные: Крh3, Ле8, пп. g2, g4. Как белым спастись от поражения?

Задание шашкистам —

А. Белые: a1, a3, a5, e1, e3, g1, h2, h4; черные: c3, c5, d6, d8, e5, f6, f8, g5, g7.

Б. Белые: a1, a3, a5, b4, d2, e3, g1, h2; черные: c7, d6, e5, e7, f4, g5, g7, h4.

Автор шашечных концовок — Володя Деревецкий (Винница). Он трижды входил в число победителей наших чемпионатов, а теперь предлагает собственные композиции: А — черные дотронулись до шашки e5 и должны ею пойти. Куда лучше — на d4 или на f4? Б — у белых есть возможность выиграть. Как ее осуществить?

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

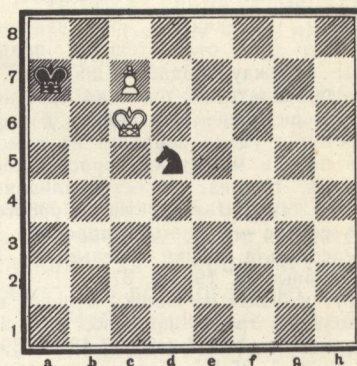
Внимание, боевое задание!

Вот три позиции.

А (см. диаграмму).

Б. Белые: Крс6, п. c7; черные: Кра7, п. f2.

В. Белые: Крс6, п. c7; черные: Кра7. Где белые могут выиграть? Каким образом?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так.

Чемпионат. Шахматы. А. 1. Cg4!

Б. 1. Лf7! Шашки. А. 1. gf6! 2. f6! 3. d4X. Б. 1. c5! 2. hg5! 3. g5 4. g3X.

Оруженосцам. 1. Лc1.

Уголок спорщиков. Прав был Федя Горновой: в подобном эндшпиле (т. е. окончании партии) ладейная пешка проходит в ферзи, если слон «обстреливает» то угловое поле, к которому она движется. В противном случае вытеснить вражеского короля из угла не удастся. Проверьте это правило на доске!

Операция-100. А. 1. 34—29! 23:34 (если 24:33, то 2. 43—38X) 2. 43—39! 34:43 3. 42—38!X. Б. 1. 27—21! 2. 22—17X. В. 1. 49—43! 2. 37—32!X.

Рыцари, оруженосцы и разведчики МШ! Не забудьте записать в свой «Листок учета» по 5 очков за каждую верно решенную задачу.

ТЫ САДИШЬСЯ ЗА ДОСКУ...

Играется партия, фигуры размещаются, как подсчитывается их ценность? Принято считать, что если нет особых обстоятельств, то конь равен трем пешкам, слон — тоже трем, ладья — чуть меньше пяти, а ферзь — чуть больше восьми. Так, «танцующая от пешки», можно определять, выгоден ли тебе тот или иной размен.

РАЗВЕДКА МШ

Всем разведчикам, участвующим в «Операции-100», сегодня предстоит отправиться в

РЕЙД ТРЕТИЙ

А. Белые: 27, 33, 35, 39, 44, 49; черные: 12, 13, 16, 23, 24, 40.

Б. Белые: 14, 31, 36, 37, 38, 46, 49; черные: 3, 5, 8, 18, 26, 28, 40.

В. Белые: 15, 25, 29, 34, 44, 45, 48; черные: 4, 7, 8, 9, 18, 19, 38.

Задача разведки: найти пути к победе белых! Донесения присылать на отдельной открытке с пометкой «Разведка МШ».

РАЗЪЯСНЕНИЕ ОБСТАНОВКИ

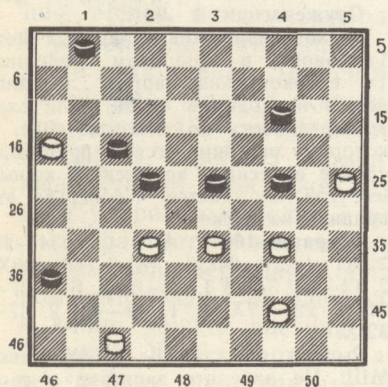
Всем разведчикам уже известны два из трех отличительных правил МШ (международных шашек): а) всегда обязательно бить там, где бьется больше шашек противника, б) если простая с удара попадает на дамочное поле и может как простая бить дальше, то она, не останавливаясь, продолжает бить, но остается простой.

А сейчас — о третьем правиле.

Расставьте шашки — белые: 35, 39, 47; черные: 9, 19, 25, 37.

Тут у белых на шашку меньше, но, используя третье правило, они выигрывают — 1. 47—42! 37:48 2. 39—34 48:30 3. 35:4X. Почему же черные били 1... 37:48, не продолжив удар дальше? Этого требует правило:

Если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше как простая бить не может, она останавливается и превращается в дамку. Эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника.

Партия Л. Семенов — М. Шавель из полуфинала первенства СССР. Вот как умелое применение третьего правила помогло белым разгромить выглядящую надежной позицию противника. 1. 47—41! 36:47. Дамка черных должна сделать остановку, и это их губит — 2. 32—27! 47:21 3. 16:9X.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий РЧЕБКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям, оруженосцам и разведчикам МШ отослать турнирные рапорты (на открытках!) до 1 июня.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунок
О. Филипенко

ЭТО ОН НАПИСАЛ ПРО ЧЕБУРАШКУ...

ОНИ
ПИШУТ
ДЛЯ ВАС

Спрашиваю: кто читал книгу «Крокодил Гена»? А лучше спрашиваю по-другому: кто смотрел мультфильм про Чебурашку, Гену, старуху Шапокляк, крысу Лариску?

Вот здесь уж, не сомневаюсь, каждый крикнет: «Я!» А вместе с тобой твои родители, сестры-братья, бабушки-дедушки по обеим линиям, а также и тот скучный сосед за стеной, который утверждает, что ты слишком громко заводишь магнитофон.

Книжку знают меньше, потому что она один раз вышла — за пять минут была раскуплена. Потом второй раз вышла — была за три минуты раскуплена. И с тех пор про нее ничего не слышать. А мульты все же иногда показывают по телевизору...

— А при чем здесь Успенский? — спросит кто-то.

Другие, подгадливей, ему крикнут:

— Пенек! Это же он написал про Чебурашку и Гену!

Верно, он... А согласитесь — странно! Чебурашку и вдруг кто-то... сочинил. Я, например, когда узнал — было это давно, лет десять назад, — я даже немного растерялся. Мне всегда хотелось думать, что Чебурашка существует испокон веку. Как, скажем, Илья Муромец, или Иван Царевич, или Дядя Степа, или Василиса Прекрасная.

Потом-то я привык, конечно. Понял, что Чебурашка — просто литературный герой. Я даже познакомился и подружился с Эдуардом Успенским.

И все же — в тайне от него — я жду сообщения журнала «Знание — сила», что наконец-то стал известен адрес, по которому проживают Гена и Чебурашка. Известно ведь то село Карачарово, в котором родился добрый старик казак Ильющенька Муромец.

Между прочим, живым, а не «литературным» вижу Чебурашку не только я, но и многие другие люди — ребята и взрослые. А тебе не приходилось задумываться, почему это происходит, почему он всем нам так нравится? (Скажем в скобках, что всякие хитрые организации не преминули этим воспользоваться. И вот появился чебурашковский крем. И паста, и порошок, и мыло. А также значки, брошки, рубашки-чебурашки...)

Как-то, выступая в одной школе, я провел такой опыт: «Ребята, — говорю, — представьте себе, что каждый из вас — капитан межзвезд-

ного корабля. Кабина на двоих. Разрешается взять либо Чебурашку, либо Карлсона. Кого возьмете?»

Минуты полторы на раздумье у них все-таки ушло. И... как ты думаешь, что они ответили? Их ответ совпал с твоим — сперва довольно дружно, а после очень дружно они начали кричать: «Возьмем Чебурашку!»

Можешь этот эксперимент провести в любом достаточно людном месте — увидишь, результат получится тот же.

Почему?

Карлсон всем, кажется, хорош, верно? Только в нем одно есть не очень сахарное свойство: он малость жадненький. Так-то вроде незаметно и даже очень мило. Но вот когда его начинаешь сравнивать с Чебурашкой, это сразу становится ясно, как апельсин! Чебурашка как раз — удивительно бескорыстное, доброе, дружное существо. Пусть он не родился каким-то особенно сильным, или смелым, или трудолюбивым. Но ради друга он все сумеет и всего добьется. Он за нас в огонь и в воду. А мы за него — любую очередь в кино отстоим. Лишь бы показывали!

«Все герои писателя — это он сам». Кто-то сказал, по-моему, правильную вещь.

А к чему я, собственно, клоню! Уж не к тому ли, что Чебурашка похож на писателя Успенского?!

Представьте себе, именно к тому!

Я говорю не о внешнем сходстве. Я говорю, выражаясь высоким слогом, о том, что Эдуард Успенский одарил Чебурашку своею душой. И тем Чебурашка похож на писателя Успенского, а писатель Успенский на Чебурашку.

Не говори, кто ты, а скажи, кто твой главный герой. Пожалуй, эта формула очень даже применима к писателям.

Корчагин — Николай Островский, Тимур — Аркадий Гайдар, добрый доктор Айболит — добрый дедушка Корней.

Писатель, который придумал Чебурашку, должен быть настоящим человеком. Так оно и есть.

А кто не читал его книжки, пусть скорее идет в библиотеку и требует:

«Дядя Федор, кот и пес»,

«Крокодил Гена и его друзья»,

«Вниз по волшебной реке»,

«Гарантийные человечки»,

«Все в порядке».

БОЛЬШИЕ СРАЖЕНИЯ НА МИНИ-ПОЛЕ

Что такое мини-футбол? Это футбол-малыш. Здесь все уменьшено в два раза: размеры поля, количество игроков, продолжительность матча. А правила напоминают... хоккей. Так же, как и на ледовом поле, происходит смена игроков, мяч можно прижать к борту. В отличие от «настоящего» футбола на мини-поле почти не бывает остановок. Мяч все время в игре, одна пятерка сменяет другую, за атакой следует новая атака...

— Разве это игра? — скажут иные скептики. — Ни футбол, ни хоккей, а так, серединка на половинку.

Но если бы им довелось побывать в ленинградском спортивном манеже «Смена», где проходил турнир городов по мини-футболу, они бы сказали: «Игра, да еще какая!»

Четыре дня в футбольной «коробке» кипели олимпийские страсти. Почему олимпийские? Во-первых, состязались юные мастера кожаного мяча детских спортивных школ олимпийского резерва. Во-вторых, одиннадцатилетние футболисты

так отчаянно сражались за победу, что обстановка на поле и трибунах была и впрямь олимпийской. И наконец, лучшие игроки турнира показали истинно олимпийский футбол — яркий, талантливый, запоминающийся.

Хозяева поля принимали гостей из Минска, Каунаса, Риги, Кишинева, Москвы. Для большинства из них эти состязания стали настоящим футбольным экзаменом.

Едва закончился первый матч «Нистру» — «Локомотив», наставника кишиневской команды Леонида Николаевича Чубая сразу же окружили болельщики и тренеры. Спрашивали о Серже Савченко — кто он такой, откуда взялся, давно ли играет?

Центральный нападающий Сержа Савченко не случайно завоевал симпатии зрителей и специалистов. Удивляла высокая культура игры этого пятиклассника. На маленьком пространстве он может обыграть трех-четырех соперников и вовремя отдать пас — точно в ноги партнеру.

Вот он возле штрафной площадки. Остается обойти одного игрока, и путь к воротам свободен. Но вместо этого, казалось бы, единственного выхода, Сержа внезапно посылает мяч назад-влево и оказывается прав... В пылу борьбы никто и не заметил, как открылся левый крайний Саша Дуде. Никто, кроме Сержи.

Он и в жизни такой — щедрый на дружбу, бескорыстный. Собирает старинные монеты. Их у Сержи свыше пятисот. О его увлечении хорошо знает шестнадцатая кишиневская школа. Сначала он показывал монеты своим одноклассникам, но коллекцию хотели увидеть многие. Тогда Сержа предложил классному руководителю организовать в школе выставку. Он сам составлял к каждой монете таблички: когда и в какой стране отчеканена, из какого металла, что можно было на нее купить. Удивительная получилась выставка.

Последний, четвертый день ленинградского турнира. В матче за третье место между московским «Локомотивом» и ленинградской «Сменой-2» основное время не выявило победителя. Все решали дополнительные десятиминутки. Когда команды уходили на перерыв, болельщики задиристо скандировали:

«Смена», «Смена», не робей, «Паровозу» гол забей!

Но «Паровоз», обидевшись на выкрики, поднатужился и вкатил в ворота соперника последний решающий мяч.

А через несколько минут судейский свисток вызвал на поле финалистов турнира — московское «Динамо» и ленинградскую «Смену-1». Перед началом игры тренер ленинградцев настойчиво повторял:

— С шестнадцатого номера глаз не спускать.

Предостережение тренера было, пожалуй, излишним. Центр-форвард «Динамо» Олег Тульский столько забил мячей в ворота соперников, что считал себе славу бомбардира номер один.

Олег вездесущ. Невозможно угадать, где он окажется в следующую минуту, куда даст

Юные динамовцы торжествуют—кубок они увезут в Москву

пас, с какой ноги будет бить. Самый маленький участник турнира, он легко обыгрывал противников на голову выше себя. Наблюдая за игрой динамовца, каунасский тренер невесело пошутил: «Этого парня можно удержать только одним способом — связать по рукам и ногам крепкой веревкой и унести с поля».

И действительно, на второй минуте финальной встречи Олег открывает счет, еще через минуту — удваивает. Все внимание ленинградцев сосредоточилось на шестнадцатом номере...

Мастер спорта международного класса Владимир Владимирович Козлов, отвечая на вопросы журналистов, так сказал об Олеге: «Ищущий борьбу».

Всего два слова. Но какие точные и правильные слова. Олег показал, как нужно сражаться за мяч. Его сбивали с ног — он лежа пытался вести борьбу. Он был на самом острие атаки. Последний, завершающий удар чаще всего принадлежал ему, и он имел право на этот удар, потому что слишком много отдавал игре.

Олег живет в Домодедово. Наверно, нужно очень любить футбол, чтобы каждый день вставать в шесть часов и спешить на московскую электричку — утренняя тренировка начинается рано. Потом занятия в школе, и снова тренировка. Домой Олег попадает только к вечеру. И опять некогда отдыхать, нужно садиться за уроки. В школе олимпийского резерва троечники не нужны.

За несколько секунд до окончания матча Олег Тульский забивает девятый гол. И всем стало ясно — кубок уедет в Москву.

Об участниках первого турнира футбольных школ можно рассказывать долго. Но обо всех не расскажешь. Разные у них характеры, и играют они каждый по-своему. Но в одном эти ребята схожи — в своей преданности спорту. Все они мечтают стать такими же великими мастерами, как Лев Яшин или Пеле.

А. ТОЛСТИКОВ

Очередной рейд Сережи Савченко к воротам соперников

Лучший бомбардир турнира московский динамовец Олег Тульский

Фото Ю. Кравченко

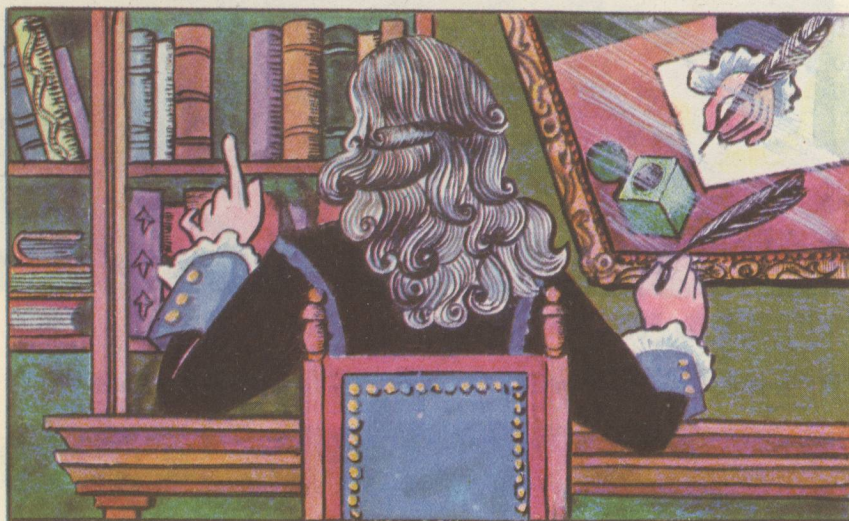

СИЛЬНЫЙ ГОЛОС

Один молодой, но весьма уверенный в себе тенор сказал как-то выдающемуся певцу Энрико Карузо:

— Вчера мой голос звучал на всех ярусах театра!

— Да, — ответил Карузо, — я видел, как публика освобожила для него места.

РАСПИСКА

Знаменитый английский физик Кавендиш устроил у себя дома библиотеку, которой пользовались желающие. При этом посетитель оставлял хозяину расписку. Кавендиш так строго соблюдал установленные им в библиотеке порядки, что каждый раз, когда книгу брал он сам из собственного же шкафа, выдавал себе расписку: такого-то числа такую-то книгу взял у Генри Кавендиша Генри Кавендиш.

Рисунки Т. Капустиной

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-15308. Сдано в набор 4/1 1978 г. Подписано к печати 3/III 1978 г. Формат 60×90 1/8. Печать офсетная. Печ. л. 8. Усл.-печ. л. 8. Уч.-изд. л. 9,25. Тираж 622 000 экз. Заказ 1797. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Комсомольская хроника	2
В двух шагах от войны повесть В. Фролова	4
Стихи Б. Голованова	15
На трудовой вахте фотоочерк Е. Чечкиной	16
Барабан журнал юнкоров	18
Командировка на орбиту очерк В. Шурлыгина	22
Мальчик на башне очерк О. Орлова	26
Весна мира очерк Г. Черкашина	30
Старожилу — восемь лет очерк В. Четкарева	32
Вороны рассказ В. Коржикова	35
Морская газета	36
Заговор Беневского рассказ Е. Невякина	38
Неделя как один день очерк Т. Пчелкиной	44
КООТ Клуб Обыкновенных Открытий	46
Петрусь и его кресло сказка Барбары Левандовской	48
Каток рассказ Э. Кундышевой	49
Зеленые страницы итоги Поиска	51
Поезд мчится, рельсы гнутся очерк А. Кучерявенко	52
Великий Жорж рассказ Г. Шаткова	54
Уголёк странички для малышей	57
Арчебек раздел ведет заслуженный тренер СССР Ю. Барский	59
Они пишут для вас Большие сражения на мини-поле очерк А. Толстикова	60
Макет Г. Ковенчука	62

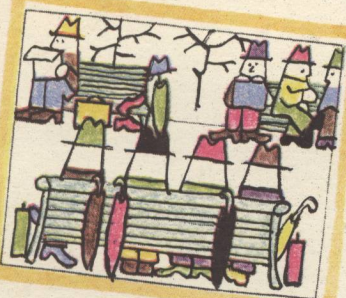
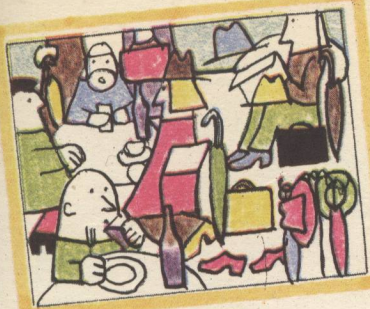
На второй странице обложки
строки из стихотворения А. Жа-
рова «Рождение слова»

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Составил и оформил В. Уфлянд

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 3

Метаморфозов взял красно-синюю полосатую пижаму, а оставил красный пиджак с зелеными брюками. На автостоянке он угнал голубую машину марки «Жигули», а оставил красный

Проанализировав ответы наших читателей на задания клуба, присланные в прошлом году, конкурсная комиссия постановила оценить как самый научно обоснованный ответ ВЛАДИМИРА ЛУБОВА из села Первомайское Свердловской области. Володя единственный из всех читателей обратил внимание на ошибку в решении математического ребуса в 12 номере журнала за 1976 год и дал правильное решение: $\text{ДУБ} + \text{БУК} + \text{КЕДР} = \text{РОЩА}$. При замене одинаковых букв одинаковыми цифрами получается: $613 + 314 + 4865 = 5792$.

Самыми обстоятельными признаны ответы **ГЕННАДИЯ МИЦУРЫ** из Харькова и **ЛАРИСЫ КРИЖАНОВСКОЙ** из города Котовска Одесской области. Решая задачу о прямоугольной доске, опубликованную в 8 номере журнала за 1977 год, они указали, что если отпилить три угла доски, может получиться не только семиугольник, но также шести- и пятиугольник.

Победителем в конкурсе на самый смешной ответ признан **ИГОРЬ КРИВУЛЬКО** из города Красный Луч Ворошиловградской области. Вот его ответ на задачу о переправе Манаса и его богатырей на челноке, опубликованную в 1 номере журнала за 1977 год:

«Великий воин Манас сел в челнок, двое воинов взяли руками за челнок, остальные за ноги друг друга иплыли до противоположного берега реки».

Все победители устаиваются звания почетного члена клуба «За семью печатями» и награждаются памятными подарками.

«Москвич». Из кабинета химии он похитил бутылку с голубой жидкостью, оставив вместо нее канистру.

Похититель седьмой печати ухитрился и на этот раз скрыться, превратившись в невидимку. Однако сделать невидимыми все свои вещи ему не удалось. Помогите поисковой группе проследить путь похитителя. Какие именно вещи на картинках принадлежат ему и где он останавливался отдыхать.

КРОССВОРД. По вертикали: 1. Сеченов. 2. Ахундов. 3. Федотов. 4. Бородин. 9. Лермонтов. 10. Воронихин. 11. Лисянский. 15. Шубин. 16. Гейне. 20. Лодыгин. 21. Шаляпин. 25. Попов. 26. Шолохов.

По горизонтали: 5. Шевченко. 6. Васнецов. 7. Колас. 8. Чехов. 12. Перов. 13. Пирогов. 14. Зинин. 17. Абовян. 18. Белинский. 19. Глинка. 22. Попов. 23. Суриков. 24. Разин. 27. Росси. 28. Чохов. 29. Кившенко. 30. Головин.

Д
БАГАРИН
З
Д
БЕРЕСОВСКИЙ
А
В
С
Т
В
У
Ю
ГИТОВ
С
БЕЛЯЕВ
КРМАРОВ
СОБРОВОДСКИЙ
Н
БЫКОВСКИЙ
ГРЕСКО
С
ПОЛОВИЗ
БЕГОВ
ЕЖАНБЕКОВ
Т
С
К
И
ПАЦЕВ
ТЕРЕШКОВ
ЖИДКОВ
СЕРВСТЯНОВ
М
ЛЕОНОВ
Н
НИКОЛАЕВ
ВОЙКОВ
Т
ВОЛЫНОВ

«КОСМОНАВТЫ»

Автор Вячеслав **ИВАНОВ** из поселка Копыл Воронежской области.

В горизонтальные строчки впишите фамилии 39 советских космонавтов так, чтобы в состав фамилий входили буквы, из которых складывается здравница.

5а77

СДЕЛАЙ САМ

Модель маяка Стирсудден

Модель этого маяка украсит пионерскую комнату или школьный музей.

Это ведь был не просто маяк, он — часть нашей истории: на этом маяке бывал Владимир Ильич Ленин, а в домике смотрителя маяка в 1907 году Ленин прожил, отдыхая и работая, почти месяц.

А вообще-то что такое маяк? В морском словаре так написано: «Маяк — ориентировочный знак, освещаемый ночью. Служит для определения плавающим судном своего места, а также для опознания с судна района берега или моря».

Основание макета маяка можно сделать из доски, пенопласта или пластилина. Если материалом служит пластилин, его нужно покрыть разведенным столярным клеем — он тогда не будет размягчаться от тепла. Траву сделай из сухого мха, опустив его предварительно в жидкую акварельную краску. Для деревьев годятся

сухие, но не ломкие, разветвленные веточки. На них наклеи «листву» из окрашенного поролона, губки или того же мха. Деревья вклей в отверстия, которые просверливаются в основании макета. Под основание маяка подложи старое зеркало или стекло с подклеенной под ним мягкой синей бумагой, имитирующей море.

Башню маяка сделай из целого бруска дерева, оргстекла или пенопласта. Здание склей из фанерных или картонных заготовок. Обрамление окон, дверей, декоративные камни по углам здания вырежь из картона и наклеи.

Покрась маяк так, как показано на нашем рисунке. Размер макета маяка может быть произвольным.

Истинная высота маячной башни была 19 метров, и в том виде, как на нашем рисунке, маяк Стирсудден просуществовал до 1927 года.

Борис КЕРТ

Рисунок автора

